СТЕЛЛА

ГРЕЙ

ДВОЙНОЙ *удар* по невинности

Чувственный роман от автора нашумевших бестселлеров!

18+

Стелла Грей
Двойной удар по невинности
Серия «Любовь на ладони»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=33399403
Стелла Грей «Двойной удар по невинности»: АСТ; Москва; 2019
ISBN 978-5-17-112262-1

Аннотация

Открывая дверь своей хрущевки, я не ожидала, что за порогом, наплевав на мои планы, ждут перемены.

Жизнь поставила меня перед трудным решением – бросить все и полететь навстречу неизвестности или же остаться дома и спокойно жить дальше.

Решение принято, и теперь я не только богатая наследница, преследуемая отравителем, но и желанная добыча для двух братьев с идеальной арийской внешностью. Цель убийцы проста и понятна, а вот мотивы близнецов остаются загадкой. Ясно только одно – они желают меня соблазнить…

Чувственно и с далекоидущими планами!

Содержание

Глава 1 4
Лена 4
Глава 2 18
Клаус 28
Глава 3 43
Лена 43
Клаус 61
Дитрих 69
Глава 4 75
Лена 75
Клаус 86
Лена 91
Глава 5 98
Спустя некоторое время 98
Конец ознакомительного фрагмента. 100

Стелла Грей
Двойной удар по невинности

Глава 1

Лена

Кажется, я все-таки уснула.

Хотя это и неудивительно – в таком-то авто! Едет – словно скользит по льду: бесшумно, быстро и совершенно не укачивает. Это не моя «пятнашка», сидя за рулем которой чувствуешь каждый камешек на дороге.

В дорогом салоне пахло кожей и кедром. В который раз с удовольствием вдохнув этот запах, я потянулась и сонно прищурилась, пытаясь понять, куда меня привез чертов немец.

– Это что такое? – выдавила, удивленно взирая на невероятно красивый особняк, рядом с которым мы припарковались. Высокие колонны подпирали крышу, выложенную красной черепицей; закругленные панорамные окна ростом с меня отражали солнечный свет; массивные двустворчатые

двери были приветливо раскрыты, и вся эта красота буквально утопала в зелени.

Кто-то явно очень любил цветы и знал толк в их разведении.

Резко обернувшись к немцу, спросила, стараясь быть максимально вежливой:

– Так, значит, моя несчастная бабушка доживает свой век совсем одна? И у нее абсолютно никого нет?

– Именно так, – с очень постной физиономией кивнул немец. – Очень жаль старушку.

– Скажите, она горничная в этом доме?

Да, я начала издалека, потому что перед смертью не надышишься… Тем более я уже догадывалась, каким будет ответ, и он меня вовсе не радовал.

– Нет, – ответила блондинистая сволочь, невозмутимо протирая свои очки.

– Нет… – повторила я, нервно ерзая на сиденье, обитом дорогой кожей. – Она присматривает здесь за садом?

– Да, сад она любит. – Немец вернул очки на свой безупречный нос и одарил меня абсолютно безразличным взглядом. – Впрочем, зачем спрашивать у меня, когда вы можете поговорить с ней лично?

– Вы говорили, она живет уединенно в небольшом доме! – Я обвинительно ткнула пальцем в твердую мужскую грудь, скрытую за классическим черным костюмом.

На меня посмотрели с брезгливым удивлением и разве что

пиджак не отряхнули.

– Эта вилла – не самая большая в Ханвальде, – пожал плечами мой оппонент и, заглушив двигатель, вышел из машины. Видимо, боялся, что снова его коснусь.

Порывшись в сумочке, я достала припрятанные на черный день сигареты. Обещала себе не курить, но этот случай был исключительным. Покинув салон авто и нарочито громко хлопнув дверью, зло взглянула на немца, по лицу которого пробежала тень неудовольствия.

Мне и самой жалко так обращаться с его «Мерседесом», но жажда мести была слишком сильной.

Покрутив головой, я убедилась наверняка – это дом очень богатых людей. В саду стояли статуи, где-то за домом виднелись деревья и небольшой фонтан между ними, а у въезда, рядом с длинным одноэтажным зданием, был припаркован не менее дорогой автомобиль, чем тот, на котором мы приехали.

– Господин Клаус, – позвав немца по имени, ибо фамилию я просто не смогла запомнить, сунула в рот сигарету и, прикурив, тут же с удовольствием затянулась едким дымом.

– Слушаю вас.

Вежливость в тоне с лихвой перекрывалась неприятием во взгляде.

Ах, похоже, этот гад не переносит курящих женщин. Забавно видеть, как он старается скрыть свое отношение. Я выдохнула дым и улыбнулась. Ноздри немца слегка раздулись,

словно он учуял запах, даже стоя в нескольких метрах от меня.

– Позвольте перекурить, а уж потом пойдете знакомить меня… с несчастной родственницей.

Я бросила красноречивый взгляд на дом.

– Мне кажется, вы не нуждаетесь в моем позволении, госпожа Успенская, – отчеканил блондинистый гад и, достав смартфон из кармана брюк, отошел, набирая чей-то номер. Мол, кури сколько влезет, а я пока поговорю.

Сволочь! Педант! Чистоплюй!

Снова уставившись на окна особняка, невольно задумалась – зачем было меня обманывать? Воспоминания нахлынули волной, унося назад во времени.

Я как раз заканчивала уборку, когда в дверь позвонили. Мурлыкая под нос песенку, звучавшую по радио, открыла, не спрашивая, кто там. Ждала в гости подругу, вот и забыла о бдительности. Впрочем, корила я себя недолго.

На пороге моей маленькой хрущевки стоял шикарный блондин в классическом черном костюме. Вежливый, спокойный и собранный. В очках и при кейсе. Такие не приходят грабить хрущевки.

– Чем могу помочь? – приветливо улыбаясь, спросила я, прекрасно понимая, что помочь вряд ли чем смогу.

– Успенская Елена? – вопросом ответил мужчина, и я слегка забылась от его акцента.

Немец. Вот ей-богу! Уж в чем в чем, а в этом я разбира-

лась. Не зря четыре года в колледже на экскурсовода отучилась. Да и мамины усилия даром не прошли.

– Она самая.

Я продолжала улыбаться, глядя на попытки немца отвести взгляд от моей прически. Ну да, ярко-красные волосы, заплетенные в кривой хвост на темечке, могли немного обескуражить… И четыре серьги в правом ухе, соединенные одной цепочкой, похоже, тоже не пришлись по душе. О, и футболка с танцующими скелетами, едва прикрывающая короткие джинсовые шорты, отправилась в черный список. Но мой гость очень старался остаться равнодушно-деликатным.

– Меня зовут Клаус Сайн-Витгенштайн, и у меня к вам важное дело. Вопрос жизни и… – Он задержался взглядом на одном из скелетов, вздохнул и дополнил: – Смерти.

– И кто умирает? – весело осведомилась я, совершенно не собираясь его впускать.

– Ваша бабушка.

Улыбка сползла с моего лица.

– Знаете, кем бы вы ни были, шутить или наживаться на подобных вещах весьма чревато! У меня нет бабушки. Ни одной. Так что…

– Одна все-таки есть. И она поручила мне найти вас в этой дикой стране и привезти на родину. В Германию.

Такое пренебрежение к России-матушке меня задело. Так же, как и тон мужчины, и едва заметная презрительная гримаса, которая, впрочем, почти сразу пропала. Немец умел

владеть собой.

Да и немец ли?.. Хотя внешность все же чисто арийская.

Сколько случаев с обманом доверчивых граждан! Кого-то обводят вокруг пальца на теме родственников, попавших в беду, а других вот бабушками в Германии соблазняют. Интересно, мне сразу предложат перевести некую сумму ради будущего наследства или чуть позже?

Я прислонилась плечом к дверному косяку, расплылась в наглой улыбочке и заявила:

– В дом приглашать не собираюсь.

По лицу блондина вновь пробежала тень, а в обманчиво мягком голосе появились раскатистые нотки, не обещающие ничего хорошего.

– Значит, я вам перед дверью все рассказывать должен?

Я повторно улыбнулась, отчаянно сожалея, что у меня нет под рукой жвачки. Сейчас самое время было бы надуть пузырь и смачно его лопнуть! Держу пари – мужика бы перекосило!

Надо заметить, что этот тип отчаянно дисгармонировал с картиной моего подъезда. Высокий красивый блондин в дорогущем костюме и стандартный российский подъезд полуаварийной хрущевки. Более полярные вещи вообразить сложно.

– Ну, зачем же беседовать здесь? – Я накрутила локон на палец и демонстративно хлопнула ресницами. – Пригласите меня в кафе.

Я воззрилась на породистую физиономию немца в ожидании волшебства и не прогадала! Лицо мужчины вытянулось от такого потрясающего в своей наглости хода.

Ну, дорогой аферист, что ты будешь делать сейчас? Полагаю, что расходы на будущих жертв обмана в твой бюджет не входят.

– Что ж, – довольно-таки быстро взяв себя в руки, заговорил незнакомец. – Вы не оставляете мне выбора. Идемте.

Он вновь окинул мою прическу крайне осуждающим взглядом и даже передернул плечами.

– Куда? – уточнила окончательно распоясавшаяся я.

– Куда скажете. Я, к счастью, мало знаком с местными… заведениями.

Немец снова подчеркнул, насколько ему противно находиться здесь. В этой стране, в этом подъезде и вообще рядом со мной. Судя по внешности и манерам этого господина, он привык к совсем другим женщинам, и я для него – олицетворение того, как быть не должно ни в коем случае. Но при всем этом уходить не спешил, а наоборот, настаивал на продолжении знакомства. Мне стало любопытно, не скрою.

– За углом дома есть кафе. Пригласите меня туда, – подсказала горе-посетителю, наблюдая за движением желваков на его скулах.

– С удовольствием. – Он улыбнулся. А у меня разом пропало хорошее настроение – слишком уж плотоядной была эта улыбка. – Предлагаю продолжить разговор там. Я буду

вас ждать. С нетерпением.

Мужчина стремительно развернулся и покинул мой этаж, вскоре стукнула дверь подъезда, а я так и стояла, задумчиво глядя вслед странному посетителю. И вроде проигнорировать было бы правильно, но чем-то он меня зацепил. Такой не станет тратить свое время на ерунду, уж подобных ему я повидала…

Быстро переодевшись в джинсы и майку, я схватила сумочку и побежала на встречу с неизвестным противником нашей страны. «А вдруг шпионить предложит?» – пронеслась в мозгу шальная мысль, и я ухмыльнулась, подумав, что тут же сдам гада полиции. Патриотизм – наше все. Особенно если ничего другого не осталось…

Он и правда ждал в кафе. Сидел за столиком у окна, вытянув длинные ноги под столом, и лениво помешивал кофе, с интересом следя за движениями чайной ложки. Не удивлюсь, если строго по часовой стрелке и с определенной скоростью. Пока я шла к столику, немец все же рискнул попробовать бодрящий напиток. Сделал аккуратный глоток, чуть заметно скривился и промокнул губы салфеткой.

– Ну, я пришла, – проговорила, тут же усаживаясь напротив немца. – Чем угощать станете?

Взгляды на меня и на некачественный для его светлости американо имели подозрительно много общего.

– Наследством, – ответил он, поднимая на меня глаза. – Будете?

– Бабушкиным? – догадалась я, не сумев подавить улыбку. – Мне бы что-то более материальное. Салат, например. И от чая тоже не откажусь.

Мужика перекосило в очередной раз. Интересно, долго он еще из себя интеллигентного изображать сможет? Или быстро расколется? Тоже мне, великий выдумщик. Я только вчера телевизор выиграла, стерев код в конце сканворда, теперь вот наследство привалило. Везучая, блин…

– Заказывайте что хотите. – Немец ласкающим движением провел по боку своего кейса, словно ничего дороже этого чемоданчика в жизни не было, и открыл его. Я на какой-то миг зависла, зачарованно наблюдая за длинными красивыми пальцами, перебирающими бумаги. Почему-то в этот неподходящий момент в моей голове мелькнула мысль о том, как эти руки могут смотреться на женском теле…

– Взгляните, узнаете кого-нибудь?

Я вскинулась, выныривая из странных мыслей, и осторожно взяла протянутое через стол старое фото.

Циничная ухмылка сбежала с губ, стоило мне подробнее рассмотреть фотографию, на которой оказались запечатлены пятеро молодых людей и две девушки. Высокая светловолосая девушка с шальной улыбкой стояла крайней слева и фривольно обнимала блондинистого красавчика. Часть картинки вместе с головой этой девушки была оторвана, а затем аккуратно приклеена на место. Видела бы моя мама, как кто-то обошелся с фото времен ее молодости, была бы очень

недовольна.

– Ну, допустим, я понимаю, о ком вы говорите, – сказала, не думая возвращать карточку немцу. – Где вы это взяли?

– У вашей бабушки.

– Так, – я перевела взгляд на новые карточки в его руках, – будем вспоминать прошлое моей матери?

– Придется, хотя я рассчитывал на то, что дело решится быстрее.

Немец передал мне еще две фотографии, после чего снова принялся помешивать кофе. Видимо, другого применения ему педант с высокими запросами не нашел.

– И кто этот парень? – спросила, вглядываясь в лицо с картинки. – Мама с ним встречалась?

– Да.

Юноша с фотки был чем-то неуловимо похож на странного визитера: рост, комплекция, надменная морда, поперек которой было написано «смерть несовершенству». Как он с мамой-то в таком случае связаться умудрился?

– Ну, никто не застрахован от ошибок. – Я пожала плечами и швырнула снимки на стол. Ситуация порядком раздражала. – Сейчас вы скажете, что этот тип – мой отец?

– Вы очень догадливы.

Он отпил из чашки, видимо, надеясь, что эта пара минут каким-то образом радикально повлияла на качество кофе, но, судя по выражению лица, чуда не случилось, и немец взмахнул рукой, подзывая официанта, не особенно-то отвле-

каясь на разговор со мной. Словно это я его позвала и навязывала некую дряхлую родственницу, а не наоборот.

К нам подошел услужливый молодой человек с блокнотом в руках.

– Принесите чайник с зеленым чаем, еще одну чашку и… – Вопросительный взгляд на меня.

– Что-нибудь сладкое. Пирожное какое-нибудь, – ответила я, передумав брать диетический салатик. К черту похудение, когда столько нервов.

– Одну минуту.

Официант ушел, а я, сцепив руки в замок, положила их перед собой и уставилась на немца в ожидании душещипательной истории в духе «Санта-Барбары».

И он меня не разочаровал!

– Собственно, все просто, – не обманул моих ожиданий блондин, – ваша мать вела распутный образ жизни, а Рикард – ваш отец – был молод и падок на особ, подобных ей. Они, как вы изволили выразиться, встречались, потом она забеременела. Он не признал ребенка и по настоянию матери уехал учиться. К слову, фрау Хильда не знала о конфузе.

– Конфуз – это я? – уточнила, принимая у официанта чашку и ощущая искушение встать и разбить ее о блондинистую голову заграничного «прЫнца».

– Именно так. – Немец прервал рассказ, налил себе свежего чаю, наполнил мою кружку и снова заговорил: – Если бы Хильда знала, то выкупила бы вас. Но, увы…

Я едва не зарычала.

Выкупить ребенка? Все решается вот так просто, да? Им, этим выскочкам из далекой Германии, можно называть мою мать практически шлюхой, а меня вещью, в которой по какому-то недосмотру судьбы течет чистая кровушка достойного отпрыска – юнца, бросившего свою беременную девушку?!

Мерзкий тип! Приехал в нашу страну и мнит себя королем среди дикарей. Еще и сочувствует мне, что не осталась при старухе, а росла с родной мамой.

– Итак, ваша мать, как и всегда недолго думая, вышла замуж за русского мужчину, занимающегося нелегальным бизнесом. Леонида Успенского.

Я закашлялась. Откуда немцу столько обо мне известно? И про отца тоже… А рассказывает как складно! Какая-нибудь наивная идиотка даже поверила бы.

– Ваш отчим погиб в двухтысячных, и с тех пор вы с матерью остались одни. Хотя она-то одна никогда не бывала. Как, наверное, и вы…

И снова сволочь смотрит на мои волосы. Дались они ему! Захочу – еще и в зеленый перекрашусь.

– Но вы приехали, чтобы спасти меня? – Я заулыбалась. – Прекрасный принц из Германии. Проездом мимо моей хрущевки. Прямо сказка!

– Никаких сказок. – Он категорично покачал головой и достал новый снимок. – И я не принц. Не ваш уж точно. Меня наняли, и я выполняю работу. Возьмите.

Мне навязчиво сунули фото с изображением женщины лет шестидесяти. Красивой, с идеальной прической – волосок к волоску, одетой с иголочки и… моим лицом. Только состаренным. Ну, и нос у нее длиннее, и скулы ниже… Но губы, улыбка, даже манера чуть склонять голову набок – мое.

– Фрау Хильда, – познакомил нас с «бабушкой» немец. – Она сейчас живет очень уединенно, неподалеку от Кельна. Ваш отец – ее сын – погиб несколько лет назад, так и не продолжив род. Теперь она почти затворница, но случай помог узнать о наличии… О вас.

– Быть не может, – выпалила я, все еще разглядывая такую похожую на меня, но все же другую женщину. – Это фотошоп. Не знаю, зачем вам нужно…

– У меня много ее фотографий. Разных. Кроме того, вы просто можете позвонить своей матери и спросить ее, кто такая Хильда Лихтенштайн. Уверен, она не поскупится на эмоции, но признает тот факт, что у вас есть бабушка. Вполне настоящая и жаждущая встречи. С момента, когда она узнала о вас, ее словно подменили, она стала оживать. И отказ посетить старушку может очень ее расстроить, госпожа Успенская. Хотя решать, разумеется, вам.

– Даже если это так, я не могу просто взять, бросить все и улететь на другой край мира.

– Кельн в четырех часах полета. – Немец досадливо дернул уголком рта, видимо, поражаясь моей необразованности. – Вы нигде официально не работаете, учебу закончили

месяц назад, а мать давно перестала вас опекать. Билеты забронированы, у вас есть два часа на сборы и переговоры с собственной совестью. Решайтесь, госпожа Успенская, дальше все зависит только от вас.

Конечно, я возмущалась. И ругалась. И позвонила матери, потому что хотела прекратить этот фарс. А потом слушала, как она ругается, то на русском, то на родном немецком… Оказалось, у меня в Кельне бабушка. О которой она отзывалась самым нелицеприятным образом, что играло скорее на пользу неведомой родственнице.

Спустя шесть часов мы вылетали из Шереметьево в Кельн, и я все еще пребывала в полном раздрае. Зато немец, скотина, воткнув в уши наушники, спокойно слушал что-то ужасающее, со скрипкой и виолончелью. Любитель классики нашелся! И спал. Весь перелет он спал, пока я не находила себе места от волнения.

У меня есть бабушка! И я собиралась с ней познакомиться. Пусть мама, как и предсказывал немец, долго костерила неизвестную мне пока женщину, желая той скорейшей кончины, но в самом деле, не оставлять же умирающую старушку одну?

Глава 2

Из воспоминаний меня выдернул звук шагов. Мелкий гравий хрустел под подошвами дорогих ботинок, которые остановились, приблизившись почти вплотную.

– Прошу прощения, но я не мог проигнорировать важный звонок, – почти по-человечески извинился Клаус.

Я медленно скользнула взглядом по длинным ногам и узким бедрам, облаченным в дорогие брюки. Оценила плоский живот и разворот плеч, а когда наконец миновала квадратный подбородок с сурово поджатыми губами и дошла до ярких голубых глаз, то получила восхитительную возможность осознать, что меня явно ненавидят.

Прелесть какая, а?

Вопрос, чем я ему так не угодила, так и вертелся на языке. В повседневной жизни никто не назовет меня грубиянкой, я прекрасно знаю, как себя вести, уважаю окружающих и их права. Но наверное, еще больше уважаю себя. С чего он решил, что может смотреть на меня вот так и не слышать в ответ колкости?

Этот немец уже давно составил обо мне мнение и наслаждался выводами. И кто я такая, чтобы мешать ему в этом? Кроме того, не могу не признать, мне чрезвычайно нравится оправдывать его худшие ожидания и наслаждаться бешенством во взоре.

– Идем, – сухо проговорил светловолосый зазнайка и первым пошел вперед.

Мне, судя по всему, полагалось, теряя кеды и рюкзак, рвануть вслед за ним.

Я же не спешила. Нарочито медленно присев, начала с невероятной скрупулезностью проверять и затягивать потуже шнурки на кедах.

Мой трепетный ариец, ни капли не сомневающийся в том, что алчная девица из России бежит за ним, поднялся на крыльцо и даже нажал на звонок. Обернувшись, он приоткрыл рот, явно желая сказать мне очередную колкость, но, не обнаружив привезенную издалека пропажу, недовольно нахмурился.

– Уже бегу! – радостно оскалилась я, бухнула рядом рюкзак и с просто-таки маниакальной тщательностью занялась вторым ботинком.

Тем временем Клаус еще раз нажал на звонок, и где-то в глубине дома раздалась мелодичная трель. Только сейчас немец соизволил поискать меня взглядом.

Я выпрямилась, одернула задравшуюся футболку и пружинистым шагом направилась к крыльцу.

– Рюкзак стоило оставить в машине, – окинув меня пристальным взглядом, проговорил ариец. – Да и одеться во что-то более приличное для встречи с пожилой леди.

Ух ты, какой строгий герр! Критиковать уже не стесняемся? А где же молчаливое осуждение, которым ты баловал

меня все время знакомства?

– Это одни из самых приличных вещей, – нагло заявила я в глаза Клаусу, не испытывая ни малейшего сожаления из-за маленькой лжи.

На лице немца уже появилось выражение «собственно, я и не сомневался», но озвучить очередную гадость он не успел – двери распахнулись и на пороге появился высокий, подтянутый и одетый с иголочки дворецкий. Он с одинаковым почтением кивнул и мне, и Клаусу, чем сразу завоевал мое уважение, и, отойдя в сторону, проговорил:

– Прошу, герр Сайн-Витгенштайн. Хозяйка уже ожидает в малой гостиной.

Плохие предчувствия окончательно подтвердились. Умирающая старушка в Германии «без никого» из родни оказалась очень даже состоятельной леди, которая могла принимать гостей в малой гостиной.

– Позвольте вашу сумку, фройляйн? – вежливо попросил дворецкий, и я неохотно отдала ему свой рюкзак. – Вильгельм вас проводит, – любезно улыбнулся мне слуга, и как по волшебству, на том конце холла появился лакей. В ливрее, разумеется.

Я шла по большому светлому дому, где все детали дышали сдержанной роскошью, и с каждой секундой все больше понимала: мне тут не место. Неуютно, холодно… не мое.

Когда мы все же добрались до гостиной, то первый же взгляд на бабушку показал – до умирающей тут очень-очень

далеко. Пожилая леди сидела в кресле у окна. На круглом столике рядом с ней стояла чашка, над которой вился легкий дымок. Тонкие руки с идеальным маникюром, аккуратная прическа и красивый светлый костюм, словно она только что вернулась с приема у английской королевы. Ну и конечно же, пристальный, пронизывающий взгляд ясных голубых глаз без капли старческого маразма.

Очень странно смотреть на свою постаревшую на несколько десятков лет копию. Именно в этот момент, когда она внимательно разглядывала меня от растрепанной макушки и до запыленных кед, стало неловко за свой внешний вид.

– Ну, здравствуй… Хелена, – первой поприветствовала меня бабушка. – Я рада тебя видеть.

– Добрый день, – ровно проговорила я и, ощущая повисшую в комнате неловкость, переступила с ноги на ногу.

Она чуть заметно поморщилась от моего немецкого, но, стоит отдать старушке должное, попыталась скрыть свою реакцию. Ну что же, я вполне понимаю, что язык у меня не идеален, да и акцент скорее всего очень сильно режет чувствительный к любому несовершенству слух аристократов.

Клаус обошел меня, приблизился к хозяйке дома и, согнувшись в поклоне, коснулся поцелуем костяшек пальцев, затянутых в кружевные перчатки.

– Фрау Хильда, с каждым днем вы все краше.

– Льстец, – усмехнулась бабушка и, легко тронув светлые волосы Клауса, проговорила: – Останешься на чай?

Он кивнул, поправил и так идеально сидящий пиджак и опустился в кресло напротив пожилой леди. Мне оставалось место между ними, которое, надо признать, совсем не хотелось занимать. С каждым мигом крепло ощущение, что меня заманили в ловушку. Обманули и заманили! Не сдержав эмоций, я кинула на Клауса злой взгляд, но он лишь дернул уголком рта в подобии снисходительной усмешки.

Хотела я того или нет, а пришлось составить им компанию за столиком. Почти сразу двери неслышно отворились, и в комнате появилась девушка. Я невольно во все глаза уставилась на нее, так как горничных в форме я видела только в кино или у нас в клубе, но там они совсем уж развратненько выглядели. Эта же служанка классическая: темное платье до колен, накрахмаленный воротничок и передник, а также нейтрально-вежливая улыбка на бледных, почти бесцветных губах без грамма помады.

На столе в мгновение ока появился пузатый белый чайник, три чашки и корзиночка с печеньем. Девушка попыталась было налить чай, но фрау Хильда покачала головой и, махнув рукой, сказала:

– Можешь быть свободна, Гретхен. Я сама поухаживаю за гостями.

Горничная только поклонилась, забрала полупустую чашку, из которой пила хозяйка перед нашим приходом, и с профессиональной сноровкой и скоростью неслышно испарилась из гостиной.

Надо полагать, даже служанки в этом доме чистокровные немки, чьи родственники известны до пятого поколения, и уж конечно, на роду нет каких-либо пятен. Вроде меня, например.

– Я рада, что ты наконец-то в отчем доме, – добро и ласково улыбнулась бабушка, не торопясь разливая чай. Я смотрела на нее сквозь легкую дымку пара, вдыхала запах дорогого молочного улуна и понимала, что надо из этого гостеприимного дома делать ноги, и как можно скорее. Интуиция буквально вопила о том, что ничем хорошим это не закончится, а я привыкла ей доверять.

Ну, ладно… Очевидно, что бабушка не торопится отходить в иной, лучший мир. Потому не нужно изображать из себя святую внучку у смертного одра и можно побыть собой. Прогибаться я тут ни под кого не буду!

Мне пододвинули чашечку. Я взяла и некоторое время помедитировала на переливы желто-зеленого напитка, но надолго погрузиться в прострацию мне не позволили.

– Ох, Хелена, я так рада, что ты приехала, – ясным солнышком светилась фрау Хильда. – Расскажи, как ты жила? На кого училась, где работаешь, есть ли молодой человек? Меня интересует все-все-все!

Клаус хмыкнул, отпил из своей чашки и уставился на меня с неподдельным интересом во взгляде. Складывалось впечатление, что этот немец знает слишком много обо мне, гораздо больше, чем успел рассказать бабуле. И ему дико ин-

тересно, как я преподнесу тему о своем основном заработке.

Ну, а что?.. Мне скрывать особо нечего.

– Хорошо я жила, фрау Лихтенштайн, – сообщила с чистой совестью и потянулась к печеньке. – Закончила колледж, а работаю хореографом в ночном клубе.

– Как это? – ошеломленно воззрилась на меня старая немка, видимо, не понимая, что там можно делать в таком качестве.

– Танцы девушкам ставлю, – спокойно поделилась я и, поймав горящий ехидством взгляд герра Клауса, дополнила: – И сама иногда появляюсь на сцене, если нужно заменить кого-то из не вышедших на работу девочек.

Ну, и если деньги очень нужны. Девушкам на пилоне платят больше, чем тем, кто ставит для них номер.

Глаза у бабушки были большие-большие и голубые-голубые. Шокированные.

Я прямо видела, как в этой немецкой седой головушке крутятся шестеренки сложного механизма и на чашу весов падают факты о новообретенной внучке. Девочка-огонек явно не предел мечтаний этой леди, так что я с огромным интересом наблюдала за сменой выражений на ее лице. Судя по вновь появившейся на губах улыбке, голубая кровь породистого щенка в моем лице все же играла решающую роль. В остальном – что называется: отмоем, откормим, блох вычешем!

– Тебе нравится твоя жизнь? – издалека зашла фрау Хиль-

да.

– Мне вообще жизнь нравится, – спокойно отозвалась я, откусывая печеньку и зажмуриваясь от наслаждения. – В любом ее проявлении.

Фрау прикусила нижнюю губу, вновь расплылась в радушной улыбке и, тоже взяв кусочек выпечки, принялась нахваливать своего повара, который, по ее словам, готовил лучше всех в Кельне. Она еще немного порасспрашивала меня о России, а после у Клауса, как поживают его уважаемые родители. Ариец отвечал сухо и не совсем охотно, потому пожилая дама свернула тему на его работу в Штатах, о которой немец распространялся с заметным удовольствием.

Наконец она попросила Клауса:

– Мальчик мой, оставь нас, пожалуйста, с Хеленой наедине. Нужно обсудить некоторые вопросы.

Блондин с готовностью поднялся, вновь галантно облобызал ручку фрау Хильды и покинул гостиную.

– Ну, что же… Пришла пора поговорить серьезно.

– И это замечательно.

– Итак, как уже наверняка говорил Клаус, ты моя единственная наследница. Оглянись… Елена. – Мое имя ей далось с заметным трудом, но я оценила старания. – Оглянись, видишь этот дом? Таких еще несколько. У меня есть фирма, есть акции… я состоятельная женщина. Но не имею наследников. Твой отец, увы, несмотря на последующий брак и годы, прожитые в нем, так и не подарил мне внуков, а недавно

трагическая случайность унесла его жизнь. У меня осталась только ты.

– Вы поверите, если я скажу, что мне не нужно ваше состояние? – тихо спросила я. – Вернее, деньги, конечно, никому не помешают, но я твердо уяснила одну истину: все имеет свою цену и ничего не дается нам просто так. Права накладывают еще и обязательства. Я не уверена, что мне по силам быть вашей внучкой.

– Ты умная девочка, – довольно усмехнулась старуха. – Умная, сильная, смелая… почти как я в молодости. И меня отдельно радует, что в тебе нет ни развязности матери, ни слабовольности отца. Достойная девочка.

– Вы меня слышали? – мягко уточнила я, не желая настаивать и обижать в общем-то очень симпатичную мне женщину.

– Слышала, – спокойно повела плечами она. – Хелен, давай не будем спешить? Обещаю, я не стану ничего от тебя требовать, но жизнь облегчить смогу. А ты сможешь помочь мне… ведь и правда у меня никого нет, кроме слуг. Я одна, девочка. Совершенно одна на склоне лет, и никакие деньги не заменят мне семью. Останься здесь погостить. Дай нам шанс узнать друг друга.

Я несколько секунд пристально смотрела в ее глаза, а после медленно кивнула.

– Хорошо. Но я не останусь в этом доме.

– Не переживай об этом. У меня были предположения, что

ты не согласишься сразу жить со мной, потому я арендовала номер в уютной гостинице неподалеку. Клаус отвезет тебя.

– Спасибо, – немногословно, но очень искренне проговорила я.

– Пожалуйста, – в том же тоне ответила мне она и, чуть помедлив, вкрадчиво добавила: – Хелен, я бы попросила тебя о сущем пустяке. Тест ДНК. Сама понимаешь, я должна точно знать, плоть ли ты от плоти моей. Увы, твоя мать не отличалась… м-м-м… постоянством.

Как она ее элегантно гулящей назвала. Я поморщилась. Мама у меня была не из лучших, и это факт, но безусловная дочерняя любовь диктовала мне защищать ее от любых нападок и находить оправдания.

– У нее была сложная жизнь.

Судя по недовольному огоньку в глазах фрау Хильды, у нее были свои взгляды на тяжелую мамину жизнь. Но к чести пожилой дамы, она удержала свое честное мнение при себе.

Она проводила меня до двери, сдав с рук на руки Клаусу, и радушно попрощалась, сообщив, что уже завтра со мной свяжется ее секретарь и отвезет в клинику для сдачи крови и проверки родства.

Клаус

Я редко молился. Разве что в детстве, когда мы сидели за столом в огромной пустынной трапезной родового замка и благодарили Бога за ниспосланный хлеб. Матушка – ярая католичка – требовала соблюдения правил, а отцу было проще согласиться, чем спорить.

И с тех пор ничто не заставляло меня вспомнить о высших силах, но за последние дни я был на грани, и не единожды! И все дело в этой чертовке, которая раздражала меня одним своим присутствием. Ей даже рот не нужно было открывать. Меня бесило все. Совершенно все. От «а» до «я». Красные волосы, неформальная одежда и, конечно же, чересчур острый язык.

Поэтому когда на горизонте появилась гостиница, я выдохнул с облегчением и испытал настойчивое желание вознести Господу хвалу и перекреститься в надежде на то, что больше наши пути никогда не пересекутся.

– Вот место назначения. Я помогу с вещами.

– Не стоит, – мотнула головой Елена, и яркие локоны расплескались по черной футболке с черепами на груди. С двумя черепами на каждой груди… Я вновь задержал взгляд на «дивном» рисунке и мысленно дорисовал то, что было под ним. Упругую, красивую грудь не меньше третьего размера. Притом зуб даю – на девчонке было бюстье без обожаемого

дамами поролона, так как временами от холода у нее твердели соски, и это было прекрасно видно. От такого привлекательного зрелища у меня твердело кое-что другое. И этому органу было глубоко плевать на то, что Елена Успенская – самый неподходящий объект для влечения, который только можно вообразить.

– Прощайте, господин Сайн-Вишген… Витгеш…

Меня передернуло. В жизни было вообще мало вещей, которые безоговорочно бесили меня. Но одна из них – это коверканье фамилии!

– Сайн-Витгенштайн, – холодно поправил я, вышел из машины и открыл дверь перед девушкой. По совести, наглую девицу стоило проводить до ресепшена и отнести ее багаж, несмотря на все протесты.

– Тогда я буду звать вас Клаус, – усмехнулась мне в лицо Елена. – Вы же не против?

Я? О нет, я против. Настолько против, что хочется заткнуть этот наглый красный ротик, потому что у девочки Лены из России есть потрясающая суперспособность – раздражать меня каждой произнесенной фразой.

– Не придется, – сухо ответил я, доставая ее рюкзак и маленький чемодан и направляясь в сторону гостиницы.

– Почему это? – осведомилась едва поспевающая за мной поганка.

– Потому что мы с вами больше не встретимся. – Я широко, от всей души улыбнулся, глядя прямо в голубые, как

летнее небо, глаза девушки. – Не буду скрывать, что просто счастлив от этого факта.

Да, я не удержался. Да, это непрофессионально.

И именно поэтому стоит как можно скорее отсюда уйти.

Я поставил на пол сумки, коротко поклонился и, не сказав больше ни слова, вышел из холла. Дверь хлопнула, отрезая меня от невероятно раздражающего фактора, и я в самом приподнятом настроении сел в машину, выжал газ и рванул вперед.

Через полчаса нужно прибыть на встречу с родителями, так что не помешает немного поторопиться.

Вот и все. Очередное задание выполнено, круглая сумма получена, и я могу смело закрыть эту страницу и отодвинуть память о ней как можно дальше.

И все вроде бы хорошо. Все правильно. Все как всегда.

Но кое-что не давало покоя.

Девчонка из России оказалась слишком резонансной. Затронула струны глубоко внутри, и теперь они вибрируют. Даже сейчас, когда мы расстались.

Я никогда не понимал значения слова «притяжение». И никогда не понимал, почему достойные, образцовые мужчины ведутся на всяких наглых и распущенных особ.

Никогда раньше.

А теперь у меня вставало при одной мысли о черепушках на упругой груди, перекрестье костей на задних карманах джинсов, обтягивающих красивую, круглую попку. Про-

клятье, сколько таких попок было в моей жизни?! В штанах, в платьях, да и без оных.

Я никогда не думал о сексе больше отпущенного на это времени и уж тем более не мучился от стояка на неподходящую даже для мимолетных отношений девицу.

Девицу, которая танцует в стрип-клубах! И в ее трусиках однозначно побывало до черта народу. Я всегда брезговал такими женщинами.

Но при воспоминании о том, как она извивалась у шеста, не мог сдержать естественной для мужчины реакции. У меня стояло так, что это отзывалось болью.

Есть ли больший позор для достойного немецкого аристократа?!

Хоть в наш стрип-бар иди, снимай первую попавшуюся рыжую шлюшку и трахай всю ночь, чтобы выбить мысли о совершенно другой женщине. Совершенно другом теле…

Я же не сразу пошел общаться с наследницей. Действовал по отработанной схеме. Сначала собрал на нее всю возможную информацию и посмотрел со стороны в естественной, так сказать, среде обитания.

Видел ее в клубе, где она подрабатывала танцовщицей. И надо заметить, на ее шоу приходило до хрена народа. Уйма разгоряченных мужиков, шарящих глазами по красивому подтянутому телу с шикарной грудью и упругой попкой.

Поправочка: таких же, как и я, разгоряченных мужиков, жадно смотрящих на то, как она танцует. К ней тянули руки

с купюрами в стремлении засунуть деньги в маленькие трусики или в топ, но девчонка ловко уворачивалась от непрошеных прикосновений, позволяя ласкать себя только взглядом. Изображала недотрогу.

Именно тогда я впервые ощутил несвойственное мне желание утащить девицу в подсобку, нагнуть, стянуть невесомое белье и трахнуть прямо там. Перед этим как следует отшлепав за плохое поведение. Очень плохое поведение…

Я опустил взгляд на штаны, под тонкой тканью которых было отчетливо видно, что основной мужской орган равнодушным к воспоминаниям не остался.

Надо заканчивать с этим. Еще не хватало на встречу с родителями прибыть со стояком.

Ровно без двух минут шесть я подъехал к ресторану. Еще раз взглянул на часы, убеждаясь в точности, и вышел из автомобиля.

«Lommerzheim» был одним из лучших заведений в Кельне. Прекрасная немецкая кухня, правильная атмосфера, разве что излишне шумная в последние годы из-за наплыва туристов. Я бы предпочел более тихое место, особенно если родители собирались говорить о важных делах, но вкусы отца были непоколебимы. Здесь подавали лучшие сосиски во всем городе.

Внутри царил полумрак, обшарпанные стены под старину дышали колоритом, а интерьер казался вырванным века из шестнадцатого. Но я не обманывался. На всю эту стили-

зацию хозяева ресторана ежегодно тратили не одну тысячу евро. Даже девушка за импровизированным ресепшн была облачена в национальный костюм.

– У вас забронировано?

– Сайн-Витгенштайн, – назвался я.

Администратор взглянула в толстую книгу с отметками, а после, подняв глаза, фактически пропела:

– Герр Витгенштайн! Пройдемте, вас уже ожидают. Она повела меня меж широких деревянных столов в глубь зала. В этот час здесь было весьма и весьма людно. Но среди шумных посетителей, распивающих эль, за десяток метров я приметил свою семью.

В полном составе.

Шайсе!

Какого черта?!

Рядом с матерью и отцом сидел Дитрих! Брат-близнец и редкостный мудак по совместительству. Если бы сказали, что он здесь будет, я бы точно не пришел. Слишком странные у нас с ним сложились отношения.

Но поздно было уже что-то предпринимать. Поправив очки и не снижая темпа, миновал оставшееся расстояние до столика.

– Клаус, сын мой. – Заприметив меня, матушка весьма сдержанно поздоровалась, даже не потрудившись подняться и приобнять.

Впрочем, я и не требовал.

Отец обошелся приветственным кивком, а заодно и жестом, указывающим в сторону, куда мне следует сесть. Несмотря на завидное для многих богатство, отец был скуп. Это сквозило во всем, от денег и эмоций до движений. Иногда у меня возникало ощущение, что он бы даже не вставал, если бы не насущная необходимость прогуляться до ресторана с любимыми колбасками.

– Сколько лет, сколько зим, Клаус! – Поднимаясь из-за стола, Дитрих ослепительно улыбнулся, сверкая идеально белыми зубами, и протянул руку. – Как Штаты? Слышал, твоя карьера пошла в гору?

Я смерил его жест пренебрежительным взором. Вот уж нет. А после, проигнорировав рукопожатие, сел на предназначенное место и с вызовом пронаблюдал, как моя «практически точная копия» чувствует себя идиотом с протянутой ладонью, потому что пожать ее меня не заставят даже боги.

Дитрих не носил очков, предпочитая контактные линзы, терпеть не мог классические костюмы, вне работы одеваясь в джинсы и майки, из-под рукавов которых торчали татуированные руки. А еще он был на редкость беспринципной адвокатской сволочью. Способной за бабки защищать отпетых подонков, на которых я рыл досье компромата толщиной с руку Шварценеггера.

Надо же было судьбе послать мне именно такого близнеца!

– Моя карьера в Нью-Йорке прекрасна, – сдержанно от-

ветил я. – А как твоя адвокатская практика? Совесть еще не заела?

– Клаус! – предостерегающе одернула матушка, предчувствуя опасность темы. – Мы с отцом позвали вас не для того, чтобы вы поубивали друг друга.

Мои зубы невольно скрипнули друг о друга. Убить брата было бы, конечно, идеей заманчивой, но противоречащей моему жизненному кредо.

– И зачем же мы здесь собрались? – переспросил я, переводя взгляд с матери на отца.

– Поговорить о наследстве, – скупо ответил он. – А именно о мебельной фабрике, фамильном имении и баронском титуле.

В этот момент подошла официантка, она предложила мне меню, но я и без него озвучил заказ:

– Пэффгеновский кельш и сосиски с печеным картофелем.

Девочка умчалась исполнять, а разговор с родителями продолжился.

– Почему именно сейчас? – спросил Дитрих, откидываясь на спинку стула. – Разве это требовало той срочности, с которой вы выдернули меня из Берлина?

– Это же совершенно очевидно, Дит. – Мать гневно сверкнула очами. – Мы с твоим отцом уже не молоды! А вы с братом явно не сможете договориться мирно, когда этот вопрос станет актуален!

– Генриетта, не нервничай! – Отец положил руку на ладонь матери, и она тут же умолкла. – Итак, наследство. Совершенно очевидно, что поделить имущество пополам между вами двумя – это стратегически неверный ход. Активы должны увеличиваться, но ни в коем случае не дробиться. Это главное правило рода Сайн-Витгенштайн.

Боковым зрением я видел, как Дитрих возвел глаза к потолку. Неблагодарная сволочь. Он, как и я, был всем обязан семье: образованием, положением, финансами. Но он ни капли не уважал род. Вероятно, деньги были вообще единственной вещью, которую он ценил.

– Поэтому мы с Генриеттой приняли решение, что все, начиная от бизнеса и заканчивая титулом, получит только один из вас, если… – Отец сделал театральную паузу, что было для него совершенно нехарактерно.

– Если? – выжидательно переспросил братец. Я видел, как при слове «бизнес» у него зажглись глаза.

Прибыльнейшая мебельная мануфактура. Авторские работы из красного дерева, сотни заказов по всему миру и баснословный доход.

Меня же никогда не прельщали эти опилки, но вот честь рода… Разве мог я позволить этой беспринципной сволочи получить официальный титул барона?

– Если, – продолжила мать, – вы женитесь!

– Что?!

Я не сдержался и все же повысил голос. Слишком уж шо-

кирующими оказались новости.

– И всего-то? – хохотнул братец.

В попытке вернуть чувства под контроль я снял очки и принялся их тщательно протирать. Это успокаивало.

Шайсе!

Но если моим родителям так нужна невестка, то это действительно не столь сложно. Я могу завтра же вернуться в Штаты и найти способы склонить к браку Алисию Николс. Девочка хорошая, проверенная, а на остальных нужно время. Из нее вышла бы вполне неплохая, совершенно ненавязчивая, а главное, удобная жена. Видимо, придется наплевать на дружбу с Томасом. Найдет себе другую мышь.

– Все не так просто, дорогие, – продолжила мать. – Рудольф уже упомянул, что семейные активы должны только расти, и, кроме того, наш род не может позволить принять в семью какую-нибудь простолюдинку. Поэтому идеальную во всех смыслах невесту мы с отцом вам уже подобрали.

Я напрягся. Дитрих тоже. Впервые за долгие годы наши эмоции совпадали.

– И кто же эта счастливица? – поинтересовался он, в уме явно прикидывая всех незамужних немецких аристократок.

Я занимался тем же и, как назло, не мог вспомнить ни одной.

– Елена Успенская, – гордо возвестила матушка. – Внучка почтенной баронессы Лихтенштайн, которая после смерти фрау получит все ее огромное состояние.

– Шайсе! – я выматерился вслух, чего не позволял себе при родителях никогда. – Да вы с ума сошли! Вы хотя бы видели это недоразумение?!

В памяти всплыло красноволосое и пирсингованное чудище с черепами на майке. Курящее, танцующее стриптиз в русских клубах, говорящее с кошмарным акцентом и имеющее совершенно невыносимый характер. Как она меня обозвала? Фашистом?

– Нет, мы ее не видели, – ровно отозвался отец. – Но это совершенно неважно. Конечно, ее немного подпортило русское воспитание, но немецкую породу ничем не перебить. Но что самое главное, тебя, Клаус, видела ее бабушка и одобрила ваши с братом кандидатуры в качестве женихов.

– А меня-то за какие заслуги? – Кажется, такое отношение зацепило даже Дитриха.

– Ни за какие. Вы с Клаусом близнецы, и фрау Хильду полностью устроила ваша внешность. Ей плевать, кто из вас женится на ее внучке, лишь бы немец, аристократ и чтобы фамильное состояние после ее смерти не было увезено в Россию или, того хуже, разбазарено попусту.

Вот так практично, цинично и с немецкой прагматичностью родители решили устроить нашу с братом личную жизнь.

– А больше баронесса Лихтенштайн ничего не хочет? – В моем голосе проступили несвойственные мне раздражение и язвительность.

– Разумеется, хочет, – спокойно ответил отец. – Гарантий продолжения рода, а именно правнуков. Ее условия сотрудничества с нашей семьей весьма прозрачны: все имущество в качестве приданого отпишется тому, кто женится на Елене и сделает ей ребенка в течение года. Чуть позже к этому мы приложим титул, дом и фамильный бизнес. Весьма выгодное вложение сил, сыновья мои.

В моей душе все кипело. Хотелось встать и уйти из ресторана сейчас же. Я уже порывался это сделать, когда пришла официантка и поставила передо мной дымящуюся порцию сосисок и пиво.

– Вы не находите странным, – хищно вонзая вилку в еду, произнес я, – жениться в двадцать первом веке по указке родителей на первой встречной? Вы серьезно хотите заставить одного из нас связать жизнь с… этой, – я попытался найти подходящие слова, – Еленой?

– Никто и не заставляет вас связывать с ней жизнь, – в разговор вновь вступила мать и произнесла слова, которые от нее я ожидал услышать меньше всего: – Хранить верность до гроба тоже не обязательно! Свяжите с ней только документы и первенца, большего от вас никто не требует.

За столом повисла тягостная пауза. Я отложил приборы в сторону, а аппетит пропал окончательно, к пиву же я и вовсе не притронулся.

Мои родители хотели, чтобы мы с братом не просто переспали с поганкой, а сделали ей ребенка и надели обручальное

кольцо на палец. Воображение быстро представило ее рядом со мной у алтаря. Изящную фигурку, обтянутую белым тонким кружевом платья, соблазнительные изгибы ее тела, упругую грудь, перетянутую корсетом, делающим ее еще выше… А потом я откину белоснежную фату с лица и увижу эти раздражающие яркие волосы и безвкусный макияж!

Наваждение тут же исчезло. Поганка из фантазии показала мне длинный пирсингованный язык с камушком-стразиком, и меня вновь передернуло. Потому что свадебное видение тут же перекрылось другим. Как ярковолосая зараза скользит этим язычком по длинному стволу члена, самым кончиком дразнит уздечку, а потом берет в рот, так глубоко, как только сможет, а я зарываюсь рукой в ее невыносимого цвета локоны и помогаю насаживаться губками на член.

– Надеюсь, она хотя бы симпатичная? – выдрал из мыслей голос братца. – Не хотелось бы постоянно отворачивать ее лицом к стенке, работая над продолжением рода.

– Дитрих! – осуждающе протянул отец. – Не при матери же!

– А что я такого сказал? – Братец возмущался удивительно наигранным образом. – Это же ваша идея – сделать из меня и Клауса племенных жеребцов-аристократов. Заметьте, я даже почти не возражаю против этой жуткой идеи селекции, а всего лишь интересуюсь, какую кобылу подкинула мне судьба.

Мстительный план мгновенно созрел в моей голове. Я по-

тянулся к кейсу, щелкнул замками, вытащил оттуда самую провокационную фотографию, которую успел сделать в клубе, где работала русская, а после демонстративно медленно положил на стол перед братом и родителями. Дитрих пораженно присвистнул.

Мать схватилась за сердце, отец нервно сглотнул.

– Знакомьтесь, ваша будущая невестка, – с нескрываемым удовольствием протянул я, сам же сверлил снимок взглядом, чувствуя, как в штанах опять стало неуютно.

Блестящее от масла тело в свете софитов, обнимающее ногами тонкий шест. Вытянутое, словно струна, притягательно соблазнительное в тех трех нитках белья, которые были на девушке.

– Горячая крошка. Пожалуй, я передумал оборачивать ее к стенке. – Дитрих расплылся в довольном оскале кота, сожравшего литр сметаны, и перевел взгляд на меня. Уверенный в собственной победе взгляд. И с вызовом произнес: – Что, Клаус, как я понимаю, ты из гонки выбываешь уже сейчас?

– Это еще почему? – вопрос прозвучал сквозь зубы.

– Ну как же? Девочка явно не в твоем вкусе. Так, может, не стоит и пытаться?

Он говорил это специально, провоцируя на определенную реакцию. Дитриху хотелось соревнования. Добавить в гонку за наследство дополнительного азарта.

– Я не отдам тебе баронский титул, – скрестив руки на

груди, ответил ему. – Даже не надейся. Что же касается моего вкуса, это ты правильно заметил. В крайнем случае – отверну к стенке.

Глава 3

Лена

Пятое пирожное вошло в меня, как вода в сухую землю. Хорошо, но мало.

Теперь и не скажешь, что при поедании первого я испытывала чувство стыда. К черту диету, да здравствуют взбитые сливки, птичье молоко и бисквит!

Нервы. И никуда от них не деться. И надо же было мне так глупо попасться! Бедная бабушка! Несчастная одинокая старушка! Нашла кого пожалеть…

Тут же вспомнился презрительный взгляд фрау Хильды. Да, наверное, не о такой внучке она мечтала, хотя выбирать ни ей, ни мне, увы, не приходится.

Она просила остаться, и я останусь. Ненадолго. Пока мне не оплатят перелет домой, потому что своих денег сейчас кот наплакал.

Учеба закончилась, выжав из меня остатки средств. Зато теперь я дипломированный экскурсовод и знаю три языка. Не думала, что последние знания пригодятся так быстро. Помню удивление герра Сайн-Франкенштайна, когда он сказал про меня гадость на немецком, а я ответила, что это неприлично. Было бы у меня фото с того момента – стало бы

панацеей от всех бед и горестей на долгие годы. Я бы смотрела и хохотала, а смех, говорят, продлевает жизнь…

Стоило вспомнить чопорного блондина, как снова захотелось что-то съесть. Сволочь! Как он со мной прощался! «Мы больше не увидимся, и я этому очень рад!» Да я рада не меньше!!!

Сунув в рот последнее из пирожных целиком, едва не задохнулась, жадно его пережевывая и мысленно вновь и вновь прокручивая события последних дней.

Нет, одними сладостями здесь не обойтись!

Решительно поднявшись, снова пошла к маленькому холодильнику, находящемуся в моем номере. Собственно, именно там обнаружились пирожные, нарезки, съеденные ранее, и маленькие бутылочки с алкогольными напитками. Надеюсь, фрау Хильда оплатила и это.

Набрав полные руки склянок, перебралась на диван и принялась рассматривать свою добычу. Виски, коньяк, водка, ликер… Напитки на любой вкус. Не помню, когда последний раз напивалась – слишком много приходилось учиться и работать. Кажется, лет в шестнадцать-семнадцать, на вечеринке у Алины. Точно. Тогда-то я и потеряла единственную подругу. Призналась ей, что мне нравится парень, а она посоветовала напиться и отдаться ему. Перестать зажиматься.

Я послушалась, напилась от души и буквально предложила себя Артему на глазах у всех. Он признался, что любит парней, и все были в курсе его ориентации. Все, включая

Алину. Ее смех потом долго звучал в ушах, как только случалась какая-то неудача.

Но теперь я стала взрослее, умнее и норму свою знаю! Кроме того, номер покидать не собираюсь до самого утра…

Открыв первую попавшуюся бутылочку, сделала внушительный глоток и едва не выплюнула все назад. Боже! Как люди становятся алкоголиками?! Вкус просто мерзкий! Впрочем, желание забыть о проблемах и стать хоть и обманчиво, но счастливой было сильнее. Вторая бутылочка пошла легче. А третья и вовсе оказалась сладкой, со вкусом шоколада…

Когда в дверь постучались, вокруг меня валялось пять пустых склянок, и жизнь приобрела новые краски. С похабной улыбкой, расплывающейся на губах без спроса, я открыла гостю и забыла пошлую шутку, которую хотела выдать. На пороге стоял герр Франкенштайн собственной персоной. Только теперь он переоделся в черные потертые джинсы и синюю майку, открывающую вид на несколько крупных красочных тату…

– Вы? – Я сложила руки на груди и нахмурилась. – Чего надо?

– Ого, как невежливо, – заулыбалась наглая немецкая сволочь.

– Вам ли рассказывать мне о вежливости? – удивилась я. – Зачем вы здесь?

– Решил, что прекрасной девушке одиноко. – Он продол-

жал улыбаться, причем не так, как раньше… В новой улыбке не было насмешки, она завораживала и притягивала взгляд, рождала желание улыбаться в ответ.

Понятно, видимо, пятая бутылочка все-таки была лишней…

– Мне хорошо! – отчеканила, с трудом отрывая взгляд от губ немца.

– Вижу. – Он хохотнул и, мягко отодвинув меня в сторону, прошел в номер с вопросом: – Пригласите?

Вот наглая гадина! Впрочем, так даже интереснее… Я прикрыла дверь и направилась к дивану, мягко покачивая бедрами. Одетая лишь в любимую черную футболку с черепами и короткие шорты, представляла, какое впечатление могу произвести, и наслаждалась эффектом. Пусть Клауса и раздражали мои волосы, русский акцент и многое другое, но я видела, как он смотрел на мою фигуру. Мужик – он и в Германии мужик.

– Значит, вы решили, что мне одиноко, и поспешили на помощь? – безмятежно улыбаясь, закинула ногу на ногу, поудобнее устроившись на диване. – И как хотели развлекать бедную девушку?

Он как раз просматривал пустые бутылочки, беспечно брошенные мною на кровати. И что интересно, читал названия без очков. А до этого таскался за мной, вечно их протирая, словно без них жить не может. Прямо-таки волшебное перевоплощение – никак не ожидала, что он может сменить

дорогие сердцу стеклышки на линзы.

– Я хотел пригласить вас в бар, Елена, – обернулся Клаус и, не стесняясь, осмотрел меня с ног до головы. Раньше он не позволял себе подобного, словно стыдился того, что могу ему нравиться. Что творит ночь с этим немцем! Загадка за загадкой.

– Меня? Пригласить? – Я засмеялась. – Вы пару часов назад сказали, что мы больше не увидимся и это доставляет вам радость.

– Я так сказал? – Клаус вздернул левую бровь и слегка склонил голову. – Просто я идиот, Елена. Забудьте, и я забуду. Так что? Идем?

– Э-э-э…

Или я выпила мало, или слишком много. А может, мне и вовсе все снится? Я ущипнула себя за запястье и тут же зашипела. Больно! Да и вообще – пофиг! Хочу танцевать!

– Герр Клаус, – нагло ухмыльнувшись, поднялась с дивана. – Я согласна! Только не в бар. Хочу в клуб. Есть здесь что-то приличное поблизости?

– Фройляйн хочет танцевать? – словно прочитав мои мысли, выдал он. – Сегодня я готов выполнить любой ваш каприз. Как искупление за свое поведение. И зовите меня просто Клаус. Прочь приличия!

Он снова показал оскал. Два ряда ровных белых зубов блеснули в сумраке комнаты, и я шумно выдохнула, вновь залюбовавшись этим немцем. Красавчик! Но доверять ему

точно не стоит. Слишком уж напрягают эти кардинальные смены настроения у мужика за тридцать. Может, у него кризис среднего возраста? Или просто шизофрения?

– Дайте мне пару минут, я переоденусь… Клаус, – ответила, уже открывая створки шкафа. Вынув маленькое черное платье и чулки, отправилась в ванную комнату, бросив взгляд на немца. Он подмигнул. Вот наглец! Если рассчитывает на продолжение – сильно ошибается! Но говорить ему об этом я не стану – пусть продолжает тешить себя надеждами.

Пьяно хихикая, надела платье, сняв бюстгальтер. Открыла косметичку и быстрыми выверенными движениями нанесла себе вечерний макияж, моментально преобразившись. Еще минута ушла на прическу – лак и тонкая расческа в помощь… Создав объем, придала волосам гладкость сверху и улыбнулась собственному отражению. Хороша-а-а!

– Я готова, – сообщила, появляясь в комнате и жадно вглядываясь в лицо немца.

Он оправдал ожидания. Сейчас я, словно вампирша, впитывала его эмоции, буквально питалась ими, повышая собственную самооценку. Клаус едва не раздел меня взглядом. Что ж, крепись, если кто-то и удовлетворит тебя, то не я. Хотя приятно!

– Елена, вы прелестны. – Гадкий обольститель приблизился и картинно поцеловал мою руку, едва касаясь ее горячими губами. Такой простой жест, а у меня мурашки по спине

побежали! Срочно нужно уходить из отеля!

– Спасибо, Клаус. Ну же, ведите меня. Вы обещали, что не дадите скучать.

Завершив образ черными туфельками на высоченной шпильке, подмигнула нежданному спутнику и первой покинула номер.

Прохладный воздух не остудил меня. Наоборот, я замерла, глядя на залитую янтарным светом фонарей улицу, и улыбнулась, вдыхая полной грудью тот неповторимый аромат нового города. В воздухе незнакомого места всегда витает нечто неуловимое… пьянящее, дурманящее голову. Что это, если не запах приключений?

И сейчас я, а также будоражащий кровь алкоголь очень-очень хотели отыскать чего-то интересное на пятую точку.

Должны же у меня остаться воспоминания об этом месте?

– Есть конкретные предпочтения? – спросил немец, поравнявшись со мной.

– Предпочтения?.. – Я на несколько секунд задумалась, позволяя своим внутренним чертям сойти с поводка и осознать, чего же они хотят. – Вы хорошо знаете местные бары и клубы?

– М-м-м… фройляйн желает чего-то конкретного?

– Музыка… – Я порывисто повернулась к нему и прищелкнула пальцами. – Я не хочу банального тыц-тыц-тыц. Отвезите меня туда, где можно почувствовать ритм.

В этот самый момент, когда я смотрела в его внезапно по-

темневшие глаза, в мою пьяную голову закралась мысль, что, быть может, я сделала что-то не то. Клаус медленно скользнул взглядом по моему телу, особенно задержавшись на губах, а после на груди, и медленно кивнул:

– Хорошо. Я отвезу тебя туда, где есть ритм.

Вероятно, уточнение было лишним, но я не хотела испортить эту ночь такой малостью, как неправильный саундтрек. Тело хотело танцевать, и я собираюсь предоставить ему эту возможность.

– Моя машина припаркована чуть дальше, – низкий баритон мужчины раздался над ухом, щекоча теплым дыханием шею и рождая сладкую судорогу внизу живота.

Ох, кажется, тело хотело не только танцев. Обычно я загоняла свою сексуальность куда подальше, наученная горьким опытом матери, но сейчас… ночь, алкоголь и красивый мужчина – это слишком гремучее сочетание.

Меня подхватили под локоток и повлекли к красивой обтекаемой спортивной машине. Я покосилась сначала на тачку с откидным верхом, а потом на этого, прости господи, Клауса. Все это никак не желало соотноситься с образом мужчины, который отпечатался у меня в мозгу за дни нашего знакомства. И вообще, утром была другая машина. У него их что, гараж целый?

Он галантно открыл передо мной дверь и придержал за руку, помогая сесть, а после устроился на водительском сиденье. Сверкнув белозубой улыбкой, растрепал и так далеко

не идеально лежащие светлые волосы и сказал:

– Ну что, поехали развлекаться, Елена?

Я окончательно выпала в осадок.

У немца, случаем, раздвоения личности нет? Или на него так родная Германия действует? С приходом ночи мужик становится адекватным! Чудо-то какое!

Машина рванула с места, и я вжалась в сиденье, испуганно глядя на дорогу, а этот ненормальный лишь рассмеялся, но все же сбросил скорость, подстраиваясь под меня.

А я… я ощущала, как ветер трепал мои волосы, то кидая их в лицо, то отбрасывая за спину, и твердо решила, что мне плевать на любые заскоки местного принца. Я еду танцевать!

Танцы… Танцы для меня – жизнь.

Там я могу выражать свои эмоции, сбрасывать стресс и напряжение, выкладываться на все сто процентов и получать удовольствие.

Без движения уже через несколько дней начинается ломка, так что сейчас меня постепенно охватывала дрожь предвкушения. Внизу живота холодело, каждая мышца звенела от напряжения, и если бы я могла – бежала вперед со всей силы!

Ехали мы недолго. Клаус остановился возле заведения с яркой вывеской, заглушил двигатель и, повернувшись ко мне, проговорил:

– Этот клуб держит моя подруга. Заведение отчасти для своих, так что здесь нет битов чисто ради того, чтобы попры-

гать. Вам понравится.

Я только усмехнулась в ответ, а через несколько секунд вопросительно вскинула бровь, недоумевающе глядя на все еще пристально рассматривающего меня немца.

И в очередной раз подумала о том, какой же этот гад красивый.

Высокий, мощный, мышцы ходят под загорелой кожей, а полускрытые рукавами татуировки так и манят полюбопытствовать: отодвинуть ткань, скользнуть пальцами по его плечам… изучить.

Я вновь ощутила жар, разливающийся под кожей, и, разозлившись на себя, поторопила Клауса:

– Так мы идем?

Он кивнул и вышел из машины.

Едва оказавшись в клубе, я поняла, что мне тут однозначно по душе. Обстановка стандартная: бар, места для танцовщиц, пустующие в данный момент, потому периодически официантки в коротких шортиках вытаскивали из бушующего танцпола кого-то из девушек и выталкивали на возвышение. Вполне распространенная практика.

Ну и да… музыка… Музыка тут была правильная. Именно та, которая звала вперед и обещала потрясающее времяпровождение.

Меня вновь подхватил под локоть мой спутник и целеустремленно двинулся к барной стойке. Там нас встретили как родных, тут же поставив пару коктейлей за счет заведе-

ния и пожелав приятного вечера. Я с сомнением заглянула в глубины мохито, но решила, что такому хорошему добру пропадать воистину грех, а потому пригубила.

Клаус извинился и отошел, сказав, что ему нужно поприветствовать каких-то знакомых, и мы с мохито остались предоставленные самим себе. Но я не скучала, с интересом рассматривая интерьер клуба и прислушиваясь к музыке, пытаясь понять, какой именно трек заставит меня выйти на танцпол.

Им оказался шедевр Often от The Weeknd. Я вообще беззаветно любила танцевать под этого исполнителя, поэтому, сделав еще пару глотков коктейля, решительно направилась на танцпол, на ходу ловя телом ритм.

В этот момент исчез клуб, толпа вокруг, не самые приятные воспоминания о последних днях.

Я прикрыла глаза и с улыбкой повела рукой, чуть прогибаясь в пояснице и делая пару шагов вперед согласно звавшим меня битам. Музыка… Музыка – это волны. Океан, который уносит тебя далеко-далеко, и с его течением глупо бороться. Да и надо ли, если именно оно показывает, как нужно и правильно?

Шаг, полукруг грудью и восьмерка бедрами на месте, поворот, и вновь собираем ножки. Я вскинула руки вверх и, вращая бедрами, присела, дождалась акцента и грациозной кошечкой выпрямилась. Музыка вела… шаг, впрогиб, вращение, волну вбок, а после… после меня поймали чьи-то

сильные руки, аккуратно развернули и прижали спиной к груди.

Я недовольно нахмурилась, выныривая из захватившего меня течения. Клубы я не любила по одной простой причине: здесь очень часто тянули руки. Я ничего не имею против танца с мужчиной, но когда он ведет, а не тупо лапает.

Дернулась, пытаясь вырваться из объятий наглеца, но он меня удержал, а уха коснулся горячий шепот:

– Дай нам этот танец. Всего один, и после ты уйдешь, если захочешь.

Замерев, я осмысливала странное предложение, а потом повела плечами и попыталась оглянуться, но мне не позволили. Неизвестный откинул с моей шеи волосы, проведя пальцами по коже, от чего та мигом покрылась мурашками.

Одна песня закончилась, а после мига тишины на зал обрушились первые аккорды одного из моих любимых треков от Halsey.

Мужчина отстранился, и почти сразу мне на глаза легла мягкая повязка, погрузившая мир во мрак.

– Подчинись мне… в танце, – почти промурлыкал очень креативный партнер и медленно развернул к себе лицом.

Было большое, очень большое искушение… ударить ему по чему-либо. Но с другой стороны, меня в первый раз настолько красиво приглашали на танец, а мохито в крови требовало согласиться.

Я кивнула, вскинула руки, обнимая его за шею и зарыв-

шись пальцами в волосы, и проговорила:

– Не разочаруй. Сделать так, чтобы женщина захотела подчиниться, может не каждый.

– Заставить нереально. – Хриплый смешок и едва ощутимый поцелуй, коснувшийся щеки. – Ты очень приятно пахнешь.

– Не скатывайся в банальность.

Он лишь вновь рассмеялся и… повел.

Знаете, как это – танцевать с партнером?

Это когда в океане появляется течение, которое ведет тебя туда, куда нужно ему. И самое лучшее, что можно сделать, – не сопротивляться.

Я расслабилась и отдалась на волю рукам мистера Х. Он был… правильным. Именно правильным. Не пытался ненароком потрогать меня за грудь или облапать попку, не прижимал к себе, вжимаясь бедрами, чтобы поделиться сомнительным удовольствием от ощущения его реакции.

Он меня вел.

Волны, прогибы, движения… и это все кончиками пальцев, очень корректно и вежливо. Во мне возрождалось все то, что было изучено в свое время на контактной импровизации и азах танцев в паре, и я откровенно наслаждалась взаимодействием.

Он, очевидно, не был профессиональным танцором, но направлял уверенно и понятно. Да и много ли надо, чтобы добиться от гибкого тела девушки того, чего оно и само хо-

чет?

Летело время, трек сменялся треком, у меня начали побаливать ноги на шпильках и сбилось дыхание, но все равно не хотелось прерываться.

Мужчина уже откровенно обнимал меня, прижимая к себе, смело кладя ладони на бедра… Все ради ведения, естественно, но я уже сейчас понимала, что мне плевать на его очевидные мотивы. Плевать вообще на все.

Космос под повязкой взрывался сверхновыми от софитов и эмоциями, поднимающимися из глубины души. Хотя кого я обманываю? Сейчас балом правило тело.

Тело плавилось под уверенными руками, дыхание сбивалось уже не столько от танцев, сколько от близости и поистине крышесносного запаха. Я как мартовская кошка пьянела от дикой смеси дорогого одеколона и аромата мужского тела. И уже мои пальчики все больше и больше смелели, проводя по широкой груди, изучая сильную спину, и я с трудом удерживала себя от того, чтобы не спуститься ниже и не пощупать задницу. Классные мужские пятые точки – это моя слабость, и я желала быть уверенной в том, что у такого крутого самца она обалденная. Сходя с ума от его близости и своего желания, что уже разливалось по венам, зажигая кровь, я вскинула руки, запутываясь в жестких волосах, и вильнула ягодицами, дразня мужчину.

Уже знала, какого именно мужчину…

И мне сейчас было совершенно все равно на предполага-

емое раздвоение личности.

Меня вновь развернули спиной, на этот раз чувствительно вжавшись пахом в попку, и, прикусив мочку уха, прошептали:

– Играешь, детка.

– Даже если так, то что?.. – Я откинула голову на его плечо, двигаясь в едином ритме с музыкой и мужчиной. И понимала, что хочу большего.

Он без лишних слов развернул меня к себе и содрал с глаз повязку.

Я сощурилась от непривычно ярких вспышек и внимательно уставилась на узкое породистое лицо в паре пядей от моего. Влажная кожа, лихорадочно блестящие глаза и ленивая, чувственная усмешка на подмороженной морде Клауса Сайн-Витгенштайна производила самое сокрушительное впечатление.

Он медленно поднял руку, провел большим пальцем по моему подбородку, заставляя вскинуть голову, и медленно наклонился к губам. Немец не торопился, он давал мне время передумать, но, судя по победному блеску в глазах, не сомневался в том, что я ему отвечу.

Поцелуй со вкусом мохито.

Сладкий, с легкими нотками мяты и лайма, и пьянящий, словно алкоголь в составе этого коктейля. Клаус определенно знал толк в поцелуях. Его прикосновения были дразнящими, ласковыми, искусно провоцирующими меня на ответ.

А руки смелыми… наверное, даже слишком смелыми. Он прижимал меня к себе одной рукой, а второй то по-хозяйски сжимал ягодицы, то оглаживал талию, то поднимался к груди. Когда наглая лапа сжала сосок через тонкую ткань платья, я очнулась от навеянного музыкой и страстью дурмана.

Осоловело посмотрела в потемневшие от страсти глаза мужчины и выпалила:

– Мне надо выпить.

– Зачем? – прошептал этот искуситель, осыпая мелкими поцелуями шею и подбираясь к чувствительному ушку.

Но я уже успела прийти в себя, потому решительно его отпихнула и, пошатываясь на высоких каблуках, добавила:

– А тебе остыть.

И направилась к барной стойке.

Меня там радостно приветствовал бармен, заявив, что танцую я всем на зависть, и поставил передо мной шот с текилой, тоже за счет заведения. Я умилилась от щедрости, но тут же опрокинула в себя стопку. К тому моменту, как подошел немец, я уже съела лимон и медленно слизывала соленую кромку.

Он проводил взглядом движение моего языка, мрачно притянул к себе вторую рюмочку и, выпив, заявил:

– Поехали.

– Неа, – я помотала головой, – не натанцевалась!

– А по-моему, нам уже хватит, – он выразительно кивнул в область своих бедер.

Я послушно опустила взгляд и покраснела. Джинсы были узкими ровно настолько, чтобы заметить возбуждение и… впечатлиться.

В голове тем временем бегала мысль с транспарантом о том, что: «Немецкое порно – самое лучшее порно в мире!» – намекая, что у нас есть все шансы проверить это утверждение, и было бы круто ими воспользоваться.

– А кто про вас говорит? Я не натанцевалась! – Еще одна стопочка под внимательными взглядами мужчин.

Клаус тоскливо посмотрел на меня, потом снова на штаны и вздохнул:

– Предлагаю подкрепиться. Тут отличное пиво и закуски. Хочешь?

– Хочешь! – торжественно кивнула я и проследовала за блондинистым концентратом тестостерона к диванам. Но по дороге успела захватить выданный барменом лонг-айленд!

Мы присели на диван, немец смотрит на меня таким взглядом, что я давлюсь коктейлем, а мысль о немецком порно старательно полирует все тот же транспарант, мурлыкая под нос, что еще не поздно пощупать кое-чью идеальную за…

– Елена, расскажи о себе, – вдруг попросил Клаус, прерывая мои внутренние провокации.

Я даже подавилась от неожиданности.

– В досье не все, что ли?

Он только едва заметно поморщился и отмахнулся.

– Там нет главного. – Мужчина пересел поближе ко мне и уставился крайне проникновенным взглядом. – Чувств, мыслей, целей и стремлений.

Именно в этот момент нам подогнали пива с сырными палочками, и я решила, что как нельзя кстати.

Также не иначе как посланная свыше, к нам подсела хозяйка заведения – высокая гибкая блондинка Клара.

– И еще раз здравствуй… Клаус, – насмешливо фыркнула она и опустилась напротив. – У меня небольшая тема для беседы, надеюсь, уделишь несколько минут?

Судя по всему, ему отчаянно не хотелось этого делать, но пришлось.

Сообщив, что скоро вернется, немец отошел, оставив меня наедине с едой и пивом.

– Ты же моя прелесть, – глупо улыбаясь, сообщила я пенке в кружке. – Вот сейчас я тебя допью, отдохну чуть-чуть и пойду танцева-а-ать!

Но что-то пошло не так уже на этапе «отдохну»…

Диванные подушки выглядели так привлекательно, что я решила буквально на минутку на них прилечь, а потом, как в том анекдоте… ударилась виском об угол и ничего не помню!

Клаус

Из ресторана я вышел сам не свой. Сел в машину, кинул на соседнее сиденье кейс и обхватил руками руль. Ну, и куда дальше?

Мчать прямо сейчас в гостиницу к поганке? Извиняться за поведение днем, строить из себя хрен пойми кого, чтобы задобрить русскую фройляйн?

При мысли, что подобно идиоту припрусь под двери ее номера, натяну вежливую улыбку и буду ждать, когда же она соизволит мне открыть, пальцы сжались на кожаной оплетке руля.

Просто я уже сейчас знал, что в глазах поганки увижу торжество, а на ее сиськах все ту же майку с черепами. Причем снять и выбросить которую мне хотелось уже по двум причинам: первая – она была отвратительно раздражающей, вторая – такую грудь с тугими сосочками нельзя прятать под майкой.

В паху тягуче заныло.

Шайсе!

Нет, сегодня я точно не поеду к девчонке.

Нужно быть последовательным и выверенным в своих решениях. Думать головой, а не тем местом, которое сейчас ну очень хотело отправиться в гости к стройным ножкам фройляйн Елены. А значит, напряжение нужно снять, мысли про-

чистить, разум отрезвить.

Я взглянул на часы. Половина восьмого. Не так уж и поздно для звонка. Потянулся к телефону, быстро нашел нужный номер, по которому в последний раз звонил год назад в прошлый свой приезд в Кельн, и вслушался в длинные гудки.

– Клаус, не ожидала тебя услышать, – раздался томный голос с другой стороны, но я все же уловил в нем радостные интонации.

– Доброго вечера, Марлен, – вначале я все же решил поздороваться. – Я в Кельне. Решил справиться о твоих делах. Как сама, как супруг?

С той стороны тягостно вздохнули.

– Ты же сам знаешь… Ульрих, как и всегда, безынициативен.

Собственно, другого ответа я и не ожидал.

– Тогда я приеду. Через полчаса, – решил за нас двоих я, зная, что Марлен не откажет. Иначе бы просто не подняла трубку.

– Хорошо. Буду ждать.

Все коротко, четко и ясно. По уже давно отработанной схеме. Наверное, именно поэтому я и ценил Марлен. Мы были друг другу удобны.

Я завел авто и вдавил педаль газа. Выехал с узкой улицы и направился в центр Кельна. В огромную фешенебельную квартиру четы фон Дорт.

Преидиотская история. Еще один брак по расчету, что не

редкость среди немецкой аристократии. Марлен была прелестной белокурой особой из обедневшего рода, берущего корни едва ли не от самого кайзера. И Ульрих. Не менее прелестный и белокурый, вот только исключительно заднеприводной. Все его достоинства заключались в фамилии рода и огромном состоянии, которое он мог унаследовать, только женившись на аристократке.

На момент заключения брака Марлен устраивало практически все. Особенно сумма, которую она получит после рождения первенца. А вот о том, что этого первенца Ульрих делать не собирается, ей не сообщили. Она вообще была не в курсе его весьма необычной ориентации.

Уже после свадьбы Ульрих сообщил ей, что ему плевать, с кем она спит, лишь бы не беременела, иначе экспертиза быстро докажет, что ребенок не от него. Себе же в сексуальных удовольствиях он и вовсе не отказывал, уже несколько лет имея постоянного партнера. А вот Марлен томилась одна в большой квартире в престижном районе. Постоянных любовников почему-то не заводила, отрываясь в те редкие разы, когда приезжал я.

Меня это устраивало.

Оголодавшая женщина всегда отдавалась с особой страстью, я же умел и любил брать ее как захочу. Тем более позволяла она все.

У дверей квартиры Марлен я был ровно в оговоренное время. Она открыла мне, стоя в черном полупрозрачном ха-

латике. Таком коротеньком, что простора для воображения просто не оставалось. Слегка прогнется – и тут же обнажится упругая попка.

– Проходи, – кивком приглашая внутрь и тут же закрывая за мной двери, произнесла она. – Надолго в Кельне?

Я обернулся, внимательно оглядел ее еще раз с головы до ног.

Белокурая бестия с похотью в глазах. Она даже про Кельн спросила только ради вежливости, потому что губы уже призывно приоткрыты, а пальцы скользят по нижней кромке халатика.

Мой взгляд упал на туфли. Черные, на огромной платформе и с тонким каблуком.

Шайсе!

За такую обувь хотелось наказывать. Потому что теперь любые высокие каблуки ассоциировались у меня с извивающейся девчонкой на шесте. Той самой, от мыслей о которой я сегодня собирался избавляться.

– Подойди сюда, – игнорируя вопрос Марлен, потребовал я. Она сделала нетерпеливый шаг, и я тут же притянул девушку к себе, отдавая новый приказ на ухо: – У тебя есть десять секунд, чтобы я не передумал уезжать отсюда прямо сейчас!

В глазах Мадлен мелькнуло недоумение, но всего на мгновение. Она восприняла мою реплику игрой и с удовольствием в нее включилась.

Весьма проворно опустилась на колени. Прямо здесь, в коридоре. Преданно смотря мне в лицо и не отводя взгляда, расстегнула ремень, скрипнула молнией и немного приспустила брюки вниз вместе с трусами, в мгновение освобождая из плена тесного белья набухший член.

– Всегда поражалась его огромным размером и идеальной формой, – проворковала она.

– Пять секунд.

Ее язычок скользнул вокруг головки, а губки мягко обхватили и приняли ее всю в ротик.

– Три секунды.

Она проворнее заработала язычком, попыталась взять член как можно глубже, но сумела лишь на две трети. Я придержал ее за затылок, утыкаясь головкой в горло еще несколько секунд.

– Одна, – и тут же вышел. Мадлен закашлялась, но тут же получила новый приказ: – В спальню. На кровать и на спину.

Она метнулась исполнять. Покорная и послушная.

Я прошел следом, по пути окончательно избавляясь от брюк. Мадлен уже расположилась на огромной кровати, головой в подушки, но я хотел не этого.

– Не так! – бросил я, подходя к краю кровати. – Голову свешивай сюда.

Она сделала, как я сказал. Ее голова, запрокинутая вниз, оказалась между моих ног. Я присел, коснувшись ее губ своим достоинством. Дальнейших указаний ей давать не при-

шлось. Марлен послушно открыла рот и стала медленно принимать в себя, все глубже и глубже. В такой позе ей давалось это намного легче. Наконец ее губы достигли основания члена, а нос уперся в мошонку.

Подавляя рефлексы, она была вынуждена часто сглатывать, прекрасно понимая, что таким образом стимулирует головку, доставляя тем самым мне потрясающее удовольствие.

Я не двигался, наслаждался зрелищем подвластной возбужденной женщины. Полы ее халатика были раскинуты в стороны, открывая вид на прекрасную сочную грудь. Короткий взгляд на часы, и я засек время, а после ущипнул торчащие от дикого возбуждения соски девушки. Сжал, потеребил, выкрутил. Марлен застонала и сильно засопела. Пятнадцать секунд – и я вытащил из нее свой кол. Она вдохнула почти болезненно и с криком, но я позволил ей лишь пару вдохов, а после снова вошел. На этот раз быстро и резко, без церемоний, но не стал задерживаться. Начал совершать размашистые, частые движения, наслаждаясь мерным покачиванием ее груди в такт.

Вот только все равно не то…

Взгляд упал на не пойми откуда взявшийся здесь красный шелковый платок.

Особенно сильный толчок, и Марлен недовольно застонала и дернулась. Я резко вышел из нее.

– Встань на четвереньки и повернись к стене! – прорычал

я, сходя с ума от картины, которую уже представил в своем воображении.

Марлен, моя послушная податливая куколка, с мягким стоном поднялась, перевернулась и исполнила. Встала, как я и просил, оттопырив чудесный зад и широко разведя ноги. Так, что две прекрасные туфельки на длинных каблуках оказались по обе стороны от моих бедер.

Мой взгляд упал на тумбочку. Там обычно лежали презервативы. Умница Марлен, она всегда тщательно готовилась к моему приходу, держа все необходимое под рукой. Взяв один из квадратиков, я надорвал шуршащий полиэтилен и растянул резинку по всей длине ствола, а после провел пальцами второй руки между ягодиц девушки, спустился к губкам, потерся о клитор. Немного раздвинул в стороны влажные и жаждущие проникновения складочки и приставил член для проникновения.

Мадлен протестующе дернула задом, намекая выбрать другую дырочку. Я лишь хмыкнул и переместился чуть повыше. Желание дамы – закон.

Обвел большим пальцем узкое колечко и подтолкнул себя навстречу ее попке. Марлен с видимым удовольствием сама медленно насадилась на член, сантиметр за сантиметром принимая его в себя. Во всю длину. Мышцы туго сжимали и пульсировали вокруг, и я толкнулся еще сильнее внутрь.

Девушка прогнулась в спине, так что ее белокурые волосы, расплескавшиеся на спине, просто умоляли меня накру-

тить их на кулак и натянуть подобно поводьям, а после продолжить бешеную трахающую скачку. Но вместо этого я помедлил, завис в наивысшей, самой глубокой точке, дотянулся до гребаного красного шарфика и накинул его на голову Марлен.

Она протестующе замычала, попыталась стряхнуть с себя шелковую тряпку, но я не позволил.

– Оставь, – одним словом подавил мимолетный протест я и все же зарылся пальцами в пышные локоны под ярким аксессуаром.

А потом трахал, долго и безжалостно, срывая сладкие стоны с губ любовницы, но почему-то видел и слышал под собой совершенно другую девушку.

Чертова поганка не желала выходить из головы.

А после, лежа в кровати, долго и бездумно протирал очки, пока Марлен докуривала сигарету перед следующим кругом нашего марафона и удовлетворенно мурлыкала:

– Как жаль, что ты бываешь в Кельне так редко. Но это даже к лучшему. В противном случае… Даже эталонный трах на эталонном члене имеет свойство приедаться.

Дитрих

Клара потащила меня не куда-то, а к себе в кабинет. Я бросил короткий взгляд на Лену, мгновение полюбовался, как длинные пальцы ласкают бокал с холодным пивом и гладят запотевшее стекло, оставляя росчерки капель воды.

Ух! Еще один такой бокальчик до дна, и она точно моя. Кто бы мог подумать, что все сложится так просто.

– Может, поговорим здесь? – останавливаясь в метре от диджейского пульта, крикнул я Кларе. – Зачем идти к тебе в кабинет?

– Там не так шумно! – перекрикивая музыку, ответила она. – Хочу с тобой кое о чем перетереть.

Хах! Как же, знаю, что ей нужно. Вот только не сегодня.

Я был уверен, что стоит мне уединиться с Кларой, и Елену увезет из клуба кто-нибудь более удачливый.

Я видел, какими взглядами пожирали ее фигурку вон, скажем, те арабы в дальнем углу или тот темнокожий парень в костюме у стойки. А девчонка горяча и явно готова уже на все.

Ее тело само шептало, как хочет меня. Да в принципе нажравшаяся девица сейчас вообще любого захочет с нормальным членом и железным стояком. Лишь бы трахнул качественно.

Поэтому отходить от русской цыпочки было чревато. Се-

годня это гнездышко мое, а если повезет, то вместе с ней еще и бабкино наследство.

Вмиг я представил перекошенную рожу Клауса, когда он поймет, что я его обошел. И не просто обошел, а прикинувшись им же.

– Так о чем ты хотела поговорить? – крикнул Кларе, высвобождая руку из ее цепких наманикюренных пальчиков.

Она обиженно надула губки, потому что раньше я с ней такого не позволял. Все же она была очень нежной и мягкой партнершей. Очень ласковой, прямо как я люблю. Сейчас же я проявлял пусть и небольшую, но грубость.

– Кто эта русская? – спросила она, скрещивая руки на груди.

Отвечать или нет? Однозначно нет. Вряд ли Клару обрадует новость о том, что Елена может оказаться моей потенциальной женой. И хотя на это вакантное место хозяйка клуба никогда не претендовала, но определенная ревность с ее стороны все же присутствовала.

– Внучка одной знакомой. Попросили приглядеть.

– Приглядеть или трахнуть? – Ее кошачьи глаза нехорошо сощурились, и она опустила взгляд в район моего ремня. Там уже с час угадывался напряженный стояк.

– Одно другому не мешает. – Было бы глупо отрицать очевидное. Русскую я хотел до звона в яйцах, аж в глазах туманилось, когда она прижималась ко мне во время танцев и терлась своими сиськами. А эти стоящие сосочки, которые,

казалось, вот-вот пропорят материю платья.

Она, наверное, вообще без башни, если не носила белье под таким нарядом. При мысли, что снизу на Лене трусиков тоже может не оказаться, в штанах стало еще теснее. В этот момент я впервые позавидовал любви Клауса к брюкам. Под ними стояк ощущался не столь болезненно, как под плотными джинсами. Аж выть хочется.

Клара вдруг неожиданно усмехнулась, глядя куда-то мне за спину:

– Тогда дерьмовая из тебя нянька. Сейчас уведут твою туристку.

Я обернулся и выматерился сквозь зубы.

Негрила, еще минуту назад тусовавшийся у стойки, уже вовсю терся у Елены и, кажется, пытался ее куда-то утащить.

– Сука, – ругнулся я больше на ситуацию, нежели на кого-то конкретного, и ломанулся вызволять детку.

Она как-то вяло перебирала ногами, идти никуда не хотела, тем более с неизвестным плодом любви гамадрила с макакой, но в целом вела себя более чем пассивно. Если бы я сам лично не контролировал все напитки, которые она пила, подумал бы, что ее накачали наркотой. Вот только девчонка была вдрызг пьяна и словно спала на ходу.

– Сука! – еще раз бросил, проламывая путь к ней через танцпол.

До этого момента я был уверен, что русская умеет пить. Что все русские умеют пить и вообще с рождения знают два

слова: водка и балалайка. А потом выучивают третье: матрешка. Поэтому даже в мыслях не мог предположить, что она нажрется до беспамятства.

– Какие-то проблемы? – преградил путь негриле.

Он поднял на меня взгляд, потому что я оказался выше его на полторы головы, и в мгновение ока понял, что если девушку сейчас не отпустит, то проблемы точно появятся.

– Я доктор, хотел отвезти фройляйн в клинику, – пролепетал он.

– Вали-ка ты нафиг, доктор! – рыкнул я, вырывая из его рук показавшееся невесомым тельце. Отдавать Лену мне все же не захотели, пришлось применить немного силы и ткнуть наглеца кулаком в плечо. Самую малость, лишь бы руки разжались.

Наглец мгновенно оценил обстановку и свалил в неизвестность с весьма оскорбленным видом.

Елена подняла на меня голову и приоткрыла глаза. Ее мутный от алкоголя взор был далек от адекватного восприятия действительности. Девчонка икнула, пробормотала что-то по-русски, из чего я не понял ни словечка, и рухнула в руки.

Дерьмище! Похоже, секса сегодня точно не будет!

Ну а какой секс может быть с ужратой амебой, пускай даже с очень красивым телом и шикарными сиськами? Никакого.

С этими мыслями и превозмогая адский стояк, я вынес

Елену из клуба и понес к машине. Где-то на середине пути она обвила руками мою шею и уткнулась в нее лицом, тепло дыша на меня чудным курносым носиком.

– Санта-Клаус, ты только подарки из штанов не доставай, – пьяно хихикнула она по-русски. – А то в этом году я себя очень плохо вела и не заслужила.

Второй раз за вечер я позавидовал Клаусу. На этот раз как полиглоту. Сколько он языков знает? Семь и эфиопский со словарем? Братец бы точно понял, о чем говорила деваха и при чем здесь Санта-Клаус.

Я уложил девчонку на заднем сиденье автомобиля, а после за двадцать минут домчал до гостиницы. Благо, у меня ума хватило пить в пределах допустимого для вождения. Вытребовал у консьержа ключ, объяснив, что хозяйка номера самую малость не в состоянии самостоятельно попасть к себе в апартаменты, а потом лично отволок Лену на третий этаж гостиницы. Открыл нужную дверь, дотащил ее до кровати и с задумчивым видом встал перед глобальной дилеммой: уехать или остаться?

Нет, секса сейчас, конечно же, не будет. Но ведь никто не мешает мне раздеть ее, скинуть одежду с себя и сымитировать бурную ночь, а утром устроить Лене пробуждение в моих нежных объятиях. Вряд ли она что-то вспомнит, зато будет поставлена перед фактом и никуда не денется. А дальше я, как честный малый, буду обязан на ней жениться, и она, будучи не дурой, обязательно согласится.

И вновь перед лицом всплыла кислая мина Клауса. Пожалуй, позову его шафером на свадьбу.

С этой мыслью я потянулся стаскивать с себя майку, но зазвонил телефон. Раздраженно глянул на экран и несколько долгих мгновений сомневался, поднимать или нет.

– Да, Клара, – все же ответил я.

– Дит, тут один из посетителей утверждает, что ты избил его! Он уже вызвал полицию! Приезжай скорее!

Дерьмо!

– Как выглядит?

– Афроамериканец.

– Млять! Еду! – Я бросил тоскливый взгляд на русскую девочку Лену. А победа была так близко… – Клара, подготовь пока записи с камер.

На той стороне трубки раздался какой-то весьма игривый смешок:

– А что мне за это будет?

Я закатил глаза к потолку. Вот же хитрая бестия! Даже эту ситуацию умело оборачивала в свою пользу.

– Нежно и ласково затрахаю до смерти, – пообещал ей, выходя из номера и закрывая за собой двери. – Все, как ты любишь.

– Ловлю на слове, – мурлыкнула она в предвкушении.

Я же готовился к разборке с полицией, негрилой и выстраивал стратегию собственной защиты, если дело зайдет далеко. Не зря же я лучший адвокат Берлина.

Глава 4

Лена

Я проснулась от настойчивого стука. Кто-то с упорством дятла долбился ко мне в голову, заставляя открыть глаза и осознать весь ужас произошедшего ночью.

Напилась! Мало того, потащилась в клуб и протанцевала полночи с Клаусом фон Вандер… Вун… Ай, плевать.

Перевернувшись на бок, поджала ноги и поморщилась от повторяющегося стука. Что ж там за садист пришел? Если не открывают – значит, нужно прийти позже. Или в Германии по-другому? Дикий народ…

Кое-как сползла с кровати и едва не упала, наступив на пустую бутылочку из-под виски. А ведь совсем недавно я искренне думала, что знаю свою норму и больше никогда не напьюсь до состояния отключки.

– Кого там принесло? – прохрипела я, подбираясь к двери. Не дожидаясь ответа, открыла и воззрилась на образцово повязанный синий галстук. Чуть выше показался квадратный подбородок, упрямо поджатые губы и длинный, идеально прямой нос, увенчанный очками.

– Добрый день, фройляйн Успенская, – чуть растягивая слова, проговорил Клаус, окидывая меня неприязненным

взглядом. – Могу я войти?

Я молча отошла в сторону, думая о том, что ему нужно лечиться. Разве нормальный мужик будет ходить днем в костюме и классических ботиночках, а ночью преображаться в развратного похотливого самца? Или в Германии мальчиков растят иначе?

– Нам нужно поговорить.

Немец сел на диван и уставился на меня своим фирменным взглядом. Словно он снизошел до низшего существа.

– Непременно, – ответила я, широко зевая. – Только после душа.

– В каком смысле? – опешил он.

– В смысле, я иду в душ, а ты, Клаус, заказываешь кофе. Черный, с двумя ложками сахара. И смотри мне! Я закрою дверь на щеколду, не вздумай идти за мной.

– Идти… за вами? – Уголок его рта дернулся. – Мне?

Я сложила руки на груди и покачала головой. Ну правда, нужно что-то решать с его странным поведением. Если бы я была не уверена в собственном рассудке, могла бы решить, что вчерашний визит мне приснился. Потому что сегодняшний, дневной Клаус словно и не подозревал о наличии своего альтер-эго. Реакция на то, как я произнесла его имя, была слишком красноречивой – он будто оскорбление услышал.

Определенно нужно поговорить с фрау Хильдой насчет немца! Но позже. Пока не приму душ, в себя не приду.

Закрывшись и громко щелкнув замком, удовлетворенно

хмыкнула – пусть знает, я помню его вчерашние намеки на постель! Или решил, что напоил меня до состояния полной амнезии?

Спустя секунду я встретилась взглядом со своим отражением и отшатнулась. Ужас какой! Волосы мочалкой и все как-то залегли в одну сторону, тушь растеклась под глазами, как у панды, а на маленьком черном платье красовалось некрасивое светлое пятно. Прямо на груди. М-да, красавица, однако. Хорошо, что это Клаус пришел, а не бабушка решила продолжить знакомство с внучкой…

Вода помогла прийти в себя. Вышла из душа я обновленной и более-менее пробудившейся. Нацепив любимую футболку и шорты, повязала на голове полотенце и вновь показалась на глаза немцу. Он ждал на том же месте, только теперь на столике рядом с ним стоял поднос с кофе и сэндвичами.

– Ты мой спаситель! – улыбнулась я, усаживаясь рядом с Клаусом и подкатывая к нам столик. – Предлагаю сначала позавтракать, а потом приступить к разговорам. Приятного аппетита!

– И вам, фройляйн… – проскрежетал мой нежданный, но такой частый гость, подчеркивая уважительную форму обращения.

Нет уж, дорогой, разрешил вчера обходиться без условностей, так нечего теперь давать задний ход!

– Как там погода? – спросила, делая третий глоток кофе

и довольно щурясь. – Я думала съездить к фрау Хильде сегодня.

– Погода хорошая. Вы можете съездить, – разрешил Клаус, продолжая сидеть рядом не шевелясь.

– Чудесно. Может быть, ты меня и подвезешь?

Интересно, на какой машине он приехал сегодня? Не удержавшись, взглянула на немца и чуть не закашлялась. Этот взгляд… Совсем не такой, как в клубе. Теперь от Клауса веяло холодом и даже чем-то наподобие ненависти. Почувствовав себя жутко неуютно, я решительно поднялась и пересела в кресло напротив, пробормотав:

– Так нам будет удобнее говорить. Ну, что там за разговор?

– Вы ведь хотели сначала позавтракать. – Клаус вновь снял свои очки, чтобы начать их протирать с раздражающей скрупулезностью.

Черт-те что! Словно другой человек! Даже страшно становится. Может быть, он маньяк? Явно ведь с головой беда.

– Чего уж там, я наелась, – пролепетала, нервно отставив кружку на столик. Посмотрим, что скажет этот любитель менять образы.

– Я предлагаю вам выйти за меня замуж.

– Что? – Хорошо, что в руках уже не было кофе.

– Стать моей женой.

– Кому? – Меня кинуло в жар.

– Вам, Елена. – Он водрузил очки на нос. – И поверьте,

вы не пожалеете. Главное – мыслить здраво и прийти к консенсусу. Мы двое взрослых людей…

– Стоп! – Я поелозила в кресле. – Давайте по существу. С чего вдруг нам жениться? Что изменилось со вчерашнего дня?

– Многое. – Теперь он поморщился, вспоминая нечто неприятное, по всей видимости. – Но вам это не будет интересно. Просто примите как данность: в свете новых обстоятельств я готов жениться на вас.

– Я же вам не нравлюсь!

Глядя в глаза немца, я совершенно не сомневалась в своей правоте. Впрочем, он и не думал спорить.

– Готов снизойти, – сухо ответил этот тип.

Угу… «Ихь бин Клаус. Падай от восторга, я готов тебя взять».

И пока я находилась в полном шоке от «восторга», горе-жених начал распространяться о предположительных плюсах своего предложения:

– Мы можем составить брачный контракт, и жизнь каждого из нас практически не изменится. Главное, озаботиться появлением потомства, а затем… обсудим. Можно и вовсе сохранять лишь видимость брака, встречаясь раз в год при родных.

– Так. – Я встала и пошла к дверям, массируя виски. – Думаю, мне нужно еще отдохнуть. Я устала и пока не могу оценить всю щедрость предложения. Как насчет встречи в

другое время? Скажем, в следующем году?

– Елена, вы не понимаете. – Он тоже поднялся и пошел за мной. – Да, я начал не с того. Послушайте, фрау Хильда – глава очень древнего рода. Она богата, умна и влиятельна. А вы – единственная ее прямая наследница. Не имеет значения, зачем мне нужен этот союз. Он нужен вам. Вас не отпустят назад в Россию. Это ведь очевидно.

– Что значит не отпустят? Я совершеннолетняя и сама могу решать, где и с кем буду жить.

– Могли решать. Пока фрау Лихтенштайн не узнала о вас.

– Послушайте, – вспылила я, – давайте вы уйдете? Немедленно. Мне очень не нравится ваше поведение, стиль общения и смена обличий.

– Не понял. – Он нахмурился.

– И не поймете, судя по всему. Найдите себе хорошего психиатра, а меня прошу избавить от вашего сиятельного присутствия. Прощайте, герр Клаус.

Я распахнула дверь и, кивнув на выход, отвернулась, всем видом показывая гостю, насколько он нежеланный.

– Не прощаюсь! – гаркнул непробиваемый гад и пулей выскочил прочь.

Захлопнув дверь, я с облегчением привалилась к стене и выдохнула. Надо же, с таким психом связаться… Все! Больше не пью – раз, не танцую со странными красавчиками – два, не подхожу близко к одному конкретному немцу с убийственной фамилией – три! Вот так. И еще: срочно отправ-

люсь к фрау Хильде – четыре. Нужно предупредить ее о странностях нанятого ею мужика, мало ли зачем ему жениться на мне приспичило!

Достав визитку, предусмотрительно переданную мне бабушкой перед уходом, я прочла на обороте ее адрес и кивнула собственным мыслям. Мне нужно было не просто съездить к ней в гости, но и выпросить билет домой. Желательно на сегодня, в крайнем случае на завтра. В гостинице же я точно оставаться не собиралась. Скоро ночь, и немец снова может приехать, превратившись в принца-соблазнителя.

Нехитрые пожитки я собрала очень быстро. Одевшись и осмотрев номер напоследок, отправилась на ресепшн вызывать такси до «деревни нищих», как окрестила про себя вотчину аристократов за городом.

Когда в пределах видимости появился нужный дом, я нервно закусила губу и достала из сумки едва ли не последнюю наличность, чтобы расплатиться с таксистом. Если бабуля откажется покупать мне билет домой, придется звонить матери и обращаться за помощью, чего я делать очень не люблю. Или найти подработку здесь… Как вариант.

– Приехали, фройляйн, – остановив авто, сообщил таксист.

Я кивнула и протянула ему десять евро, все еще обдумывая, как стоит говорить с фрау Хильдой, чтобы убедить ее в моей правоте. Наверняка она снова начнет убеждать меня остаться, пожить у нее и присмотреться. Упертая старушка.

Интересно, насколько далек был от правды Клаус, когда говорил, что теперь меня никто не отпустит?

Трель звонка вырвала меня из мыслей о насущном. Надо же, даже не помню, как дошла до дома! Одни нервы с этими немцами и их интригами. Когда дворецкий открыл дверь, я постаралась приветливо улыбнуться, но, боюсь, его это не обмануло. Мужчина бросил взгляд на чемодан у моих ног и спросил с завидным спокойствием:

– Фройляйн позволит взять ее вещи?

– Позволит, – печально кивнула я и вошла в дом. – А где фрау Хильда?

– В кабинете. Я провожу вас в малую гостиную и предупрежу хозяйку. Она обрадуется вашему переезду.

Угу, подчеркнул, что я с чемоданом приехала. Думает, я жить решила в этом доме. Думает, примчалась, поджав хвост! Ну, мне-то какое дело? Плевать. Еще пара часов, и я буду в аэропорту и, если повезет, сегодня же окажусь в родной квартирке со старым ремонтом, привычно называя кабинетом туалет. Не была никогда богачкой, нечего и начинать, а с бабушкой можно дружить и по скайпу.

Дворецкий провел меня в гостиную и быстро удалился. Лишь усевшись на удобный диван, я вспомнила о своих вещах – унес, гад! Блин, сейчас еще и спальню выделят, и кровать застелят. Этого мне только не хватало!

Бабушка появилась на удивление быстро. Бодрая, веселая и подвижная. Пришла, обнимая тощую лысую кошку, и сразу

начала давить на больное:

– Хелена! Девочка моя, ты приехала! Как хорошо, что ты передумала и решила побыть ближе к своей старой родственнице. Я так благодарна тебе! Господь услышал мои молитвы…

– Фрау Хильда, – я выставила вперед ладонь, желая усмирить хоть немного свою восторженную бабушку, – вы не так поняли. Нам нужно поговорить. Я хочу улететь домой. Сегодня же. В идеале – на ближайшем рейсе. И без странных провожатых в виде блондинистых сыщиков с невыговариваемой фамилией.

– Клаус чем-то обидел тебя, детка? – нахмурилась бабушка, пропустив мимо ушей мое желание улететь.

– Нет. Я редко обижаюсь и только на очень близких людей. Здесь речь идет об осторожности. Этот ваш Клаус… он… необычный. Не знаю, как назвать правильно его поведение, чтобы не оскорбить ваш слух.

– А ты не бойся, милая. Говори, мне ты можешь доверять.

Фрау заговорчески подмигнула, чем ввергла меня в легкий шок. Ничего себе, доживающая последние дни! Старушка выглядит бодрее меня и жизнерадостнее в разы. Впрочем, насчет странностей немца рассказать все равно нужно – я-то уеду, а ей жить неподалеку с этим психом.

– Понимаете, в нем словно заключены две личности. Один ходит в костюме и галстуке, вечно протирая очки и ненавидя всех вокруг. Второй – развязный улыбчивый мужчина,

предпочитающий свободную форму одежды и неформальный стиль общения… Я знаю, звучит, будто это со мной что-то не так, но мое дело вас предупредить.

Фрау Хильда приподняла брови и чуть склонила голову набок, рассматривая меня с новым интересом. Затем, когда я уже хотела начать оправдываться, чувствуя себя идиоткой, она заулыбалась, словно услышала хорошую шутку, смысл которой вот только до нее дошел, и спросила:

– А кого из этих личностей ты бы предпочла, дорогая? – Пришла моя очередь удивленно замолчать. – Не подумай дурного, – засмеялась фрау Хильда, —кажется, я понимаю, о чем ты говоришь, и смогу помочь в этом вопросе.

– Наймете ему психиатра? – хмыкнула я.

Она снова заулыбалась и похлопала меня по коленке, качая головой. А я сидела, думая, что вообще зря приехала в эту чудную страну. Любопытство сгубило Еву, и я недалеко ушла, ничему нас мудрые истории не учат…

– Фрау Хильда, мне нужно домой, – проговорила я, хмурясь. – Мы можем продолжить общение, но позже. Пока я хочу вернуться в привычную обстановку. Будем связываться через Интернет…

– Но мы ведь договорились, – прервала меня бабушка. Улыбка слетела с ее губ, а в голосе появилась сталь. – Ты обещала мне, дорогая, пожить здесь.

– Обстоятельства изменились. – Я упрямо гнула свое. – Пусть дворецкий принесет мои вещи. Собственно, мне не

нужно ваше разрешение. Я просто заехала попрощаться и сообщить о своем решении.

– Что ж… – Она задумчиво прищурилась, кивнула и поднялась. – Я не могу заставлять тебя делать то, что хочу. Ты взрослая женщина. Подожди несколько минут, я отдам распоряжение, чтобы тебе забронировали билет назад.

Она вышла, не дожидаясь моего ответа. Решительная и очень недовольная. Что ж, не так уж сложно. Зато мне удалось настоять на своем.

Клаус

Она меня выгнала.

Эта мысль, как заводной волчок, крутилась в голове уже больше часа. Как только посмела?!

Русская поганка указала на дверь и выставила из номера в два счета, даже не желая выслушать до конца.

А мое предложение было из тех, от которых не отказываются. Я предлагал ей замужество, новую жизнь в богатстве и достатке, практически полную свободу и необременительные отношения. Что еще, черт возьми, такой, как она, было нужно? И почему Елена не согласилась?

Внутри меня все кипело и бушевало. Причем буря в душе началась еще до отказа, в момент, когда она просто открыла мне дверь.

Растрепанная, с размазанной тушью и… с перегаром. Весь ее вид буквально кричал, что вчерашний вечер она провела не пойми где, не пойми с кем и в непонятно каком притоне.

Чем могли закончиться подобные приключения, я тоже подозревал. Сколько у нее вообще мужчин было? Пять, десять? Я хотя бы войду в первую сотню?

Шайсе!

Я не брезгливый, и у меня не было заморочек Томаса, предпочитающего иметь дело исключительно с девственни-

цами, но и такая «проходная улица» меня не устраивала. Нужно будет еще раз поговорить с девчонкой, объяснить ей полностью ситуацию и предложить альтернативу, раз уж такая гордая.

Эко-оплодотворение – вот наш выход! Заодно и проверится у лучших докторов Германии на предмет «букета» заболеваний.

Хотя о какой гордости с ее стороны вообще могла идти речь? Скорее, она просто набивала цену.

В этот момент раздался звонок на мобильный. Лезть за телефоном было неудобно, да и разговаривать за рулем – весьма небезопасное занятие. И все же телефон настойчиво разрывался.

– Слушаю, – спустя десяток трелей ответил я.

– Клаус, мальчик мой, – раздался взволнованный голос фрау Хильды. – Я была о тебе лучшего мнения!

Нотки гнева так и звенели в ее интонациях.

– Не понимаю, о чем вы, – как можно спокойнее ответил ей, сам же проклиная старушку на чем свет стоит за ее поистине «гениальный» сговор с моими родителями».

– Не понимаешь?! – возвысила голос достопочтенная фрау. – Ты со своим братцем напугал мою Хелен. Не знаю, что вы натворили, но она приехала ко мне с утра с четким намерением вернуться в Россию.

– Вот и пускай едет, – слова все же сорвались с губ. Нет поганки – нет проблемы. Может быть, если этот раздражаю-

щий фактор исчезнет, мои родители поищут другую устраивающую их аристократку или, что еще лучше, откажутся от идиотского плана женитьбы меня или Дитриха по расчету.

– Поговори мне еще тут, – мигом отрезала Хильда. – Молоко еще на губах не обсохло разговаривать со мной таким тоном. Сейчас же бери своего недоумка-брата и езжайте ко мне. Делайте что хотите, но чтобы Хелен передумала уезжать!

Она бросила трубку, а я затормозил на ближайшей стоянке и попытался переварить разговор и обрывки сведений, полученные из него.

Фрау Хильда была уверена, что нечто ужасающее совершили мы с Дитрихом. Оба. Вот только за себя я мог ручаться, что ничего, кроме утренней беседы и весьма сдержанного предложения, между мной и Еленой не было, а вот за Дита…

Догадка мгновенно пронзила мозг.

– Зар-р-аза! – прорычал я и стукнул ладонью руль. Так вот откуда взялась эта чертова фамильярность у Елены в общении со мной! Старый прикол из детства: Дитрих очень часто выдавал себя за меня, особенно перед учителями, если это было ему выгодно. Вот и сейчас. Какова вероятность, что он повторил этот трюк? Двести процентов!

Я набрал номер брата впервые за пять лет и уже знал вопросы, которые задам, когда он поднимет трубку.

– Где ты был вчера вечером? – не трудясь поприветствовать его, прорычал в трубку.

– И тебе доброе утро, Клаус.

– Повторяю, где ты был вчера вечером?

– Это допрос?

Дитрих увернулся от ответа, а в моей груди поднималась тугая волна гнева. Просто я вспомнил, в каком виде была русская поганка. В весьма растрепанном и помятом, а еще она закусила и так обкусанные губы при виде меня.

– У тебя с ней что-то было?

Пауза. И облегченный выдох с моей стороны. Если Дит молчит, значит, похвастать нечем.

– Было, – все же отвечает он, но я ему уже не верю. – Она потрясающе целуется, не носит белья, и у нее великолепная задница. Оу, ну и она была в восторге от того, что у меня в штанах, – самодовольно закончил он.

– Настолько в восторге, что собирается сбежать в Россию? – легко парировал я.

– Что? – Кажется, брат был удивлен таким поворотом событий.

– Что слышал. А теперь быстро собирайся, где бы ты ни был, и езжай по адресу, который я скину сообщением. Мне только что звонила фрау Хильда и сообщила, что из-за твоей вчерашней выходки Лена собирается уехать.

– Да не было у нас ничего! – мгновенно сознался брат.

– Вот фрау Хильде это и расскажешь!

Нажал на кнопку отбоя и откинул трубку на соседнее сиденье. Несколько долгих мгновений массировал пальцами

внезапно заболевшие виски, приводя свое далекое от покоя состояние в привычное и стабильное русло, одновременно с этим анализируя ситуацию.

Дитрих выдал себя за меня, куда-то отвез Елену, где однозначно напоил, что было вполне в его духе. Он явно умудрился ее облапать и даже поцеловать. В этом я был уверен, братец не врал.

А значит, на один пункт он меня уже опередил.

Но вот секса между этими двумя точно не было. И это определенно плюс, играющий мне на пользу.

Что-то мне подсказывает, что стоит Елене увидеть сегодня Дитриха и осознать, как он ее вчера обманул, и братцу очень долго не будет светить ничего путного. Мне, впрочем, тоже.

Интуиция била в набат, заявляя, что с русской иррациональной поганкой наш точный и немецкий расчет даст сбой по всем пунктам.

И все же я взял себя в руки. Разум холоден и прозрачен, я спокоен, а значит, можно ехать.

Вдавил педаль в пол и направился в сторону дома баронессы Лихтенштайн.

Лена

Бабушка не спешила возвращаться, и я уже начала подозревать ее в том, что она заколачивает двери и окна по дому, лишь бы не отпускать. Смешно и в то же время подозрительно. Ну куда она могла деться? Когда дверь открылась, я уже порядком себя накрутила. На пороге показался дворецкий. Без моих вещей.

– Фройляйн Хелена, – позвал меня он, – фрау Хильда попросила меня занять вас. Она решает какие-то вопросы с вашим отъездом и, чтобы вы не скучали, велела отвести вас в столовую. Время обеда.

Я хотела сказать, что это совсем некстати и вообще мне пора, но в тот момент поняла, что действительно ничего не ела со вчерашнего вечера. Безропотно согласившись, пошла за дворецким, заодно напоминая:

– Мне уезжать скоро, так что быстро перекушу и в путь.

– Фрау сейчас подойдет, – невпопад ответил мужчина, пропуская меня вперед, в помещение, размерами чуть превышающее мою квартирку в Москве. Я осмотрелась.

П-образная планировка, большая рабочая поверхность, вместительные системы хранения, современная умная техника и изысканная натуральная отделка. Идеально. Кроме того, кухонька включала в себя большой стол и множество посадочных мест. Все выполнено в современном строгом

стиле, но яркие оттенки и необычное панно с изображением пальмовых ветвей на одной из стен удачно разбавляли вычурность помещения…

– Мило, – пробормотала я, останавливаясь у холодильника.

– Фрау Хильда последние годы живет очень уединенно, распустив почти всех слуг, – заговорил дворецкий, ненавязчиво указывая мне на один из стульев. – По ее решению столовая и кухня были объединены. Сейчас придет горничная, накроет на стол и подогреет хозяйке молока. Бедняжка плохо себя чувствует.

– Я и сама могу все сделать, – проговорила я с раздражением. Еще не хватало, чтобы меня обслуживали или тем более ставили в укор плохое самочувствие упрямой старушки. Нет уж, я хочу домой и на этот шантаж не поддамся. – Идите, я подогрею фрау молока. И перекушу, пока она приходит в себя. Мне некогда рассиживаться.

– Как вам будет угодно. – С легким поклоном дворецкий удалился, оставляя меня наедине с суперсовременной техникой.

Молоко я нашла быстро, а вот с кастрюлькой вышла заминка – слишком много шкафов вокруг. Как здесь не путается бедная горничная? Или кто там готовит?

– Хелена. – Бабуля показалась на пороге столовой, когда я с отчаянием смотрела на идеально ровную стеклянную столешницу с нарисованными горелками и задавалась

единственным вопросом: «Как. Это. Включать?!» Где, блин, обычные конфорки?

– О, вам уже лучше, – обернувшись, улыбнулась хитрой родственнице.

– Немного. – Она вяло пожала плечами. – Дай-ка я помогу тебе. Просто нажми на панель. Вот и все. Ты решила сама погреть мне молока? Это так мило…

Я лишь закатила глаза. Давить на жалость фрау умела, но меня этим не проймешь.

– Что мне можно употребить на обед?

Спустя пять минут мы сели за большой деревянный стол, накрытый льняной скатертью и уставленный несколькими блюдами, подогретыми ранее горничной. Ощущение складывалось такое, будто впереди у нас не трапеза, а как минимум переговоры. Бабушка прожигала меня задумчиво-умоляющим взглядом, а я очень старалась есть, глядя лишь на ложку.

– Если ты уедешь, то все положенное тебе наследство отойдет этой распутной девке Софи! – выпалила фрау Хильда, стряхивая со стола несуществующие крошки.

Я на миг подняла взгляд, но промолчала.

– Это последняя спутница моего сына. Та еще… – Бабушка всплеснула руками, так и не подобрав слов для определения образа жизни последней невестки. – Хелена, ты не можешь так со мной поступить.

Я продолжала есть.

– Мы нашли друг друга вовсе не для того, чтобы терять заново. Пойми, я желаю тебе только добра. От нашего общения ты только выиграешь, клянусь.

Тишина.

– Хелена?

Я покачала головой.

В конце концов старушка поднялась, чтобы открыть окно, потому что ей стало «нечем дышать» и «хотелось на воздух, ибо тоска разъедала душу». Прямо поэтесса.

Я продолжала усиленно делать безразличный вид. Доев первое, принялась за салат, старательно прокручивая в голове все нехорошее, что может случиться со мной здесь, если поведусь на уговоры старушки. Нет, нет и нет! Самолет – аэропорт – хрущевка! Дело решенное.

Когда на столе звякнула чашка, я вздрогнула, решив, что бабушка вернулась на свое место и решилась на новую модель поведения: крушить посуду. Но все оказалось куда прозаичнее – это была ее кошка. Лысое чудовище с длинными ушами и вытянутой мордой беззастенчиво лакало подогретое мною молоко.

– Брысь! – рявкнула я и тут же замолчала, обдумывая, насколько это уместно – повышать голос на любимицу хозяйки дома? Может, для них это норма – делить пищу?

– Мими! – отчаянно завопила фрау Хильда, спеша к столу. – Что ты вытворяешь?!

Уф, хорошо хоть в этом ошиблась. Животину подхватили

под брюхо и нещадно тряхнули. М-да. Бедная киса. С такой хозяйкой не забалуешь. Не успела я высказаться в знак сочувствия кошке, мол, не виновата она, как та хрипло мяукнула и поникла.

Первая мысль, посетившая меня, звучала примерно так: Мими – актриса не хуже фрау Хильды. Но уже в следующий миг я вскочила и присоединилась к не на шутку обеспокоенной бабушке. Кошка не подавала признаков жизни, продолжая висеть тряпочкой на руках безутешной хозяйки.

– Что с ней? Что с ней? – спрашивала у меня бабушка, протягивая ко мне лысое тельце.

Я отшатнулась и, покосившись на стол, ответила честно:

– Ну, либо слишком слабая нервная система и это обморок от наших криков, либо… она напилась из вашей чашки. Может, ей противопоказано молоко?

– Нет! Нет-нет! – кричала фрау Хильда. – Гектор! Кто-нибудь! Бегом сюда! Мими отравили!

Дальше началось нечто невообразимое. Бабушка выла сиреной, дворецкий, выкатив, как оказалось, большие глаза, охал и прыгал вокруг, позабыв о чопорности. Горничная рыдала, заламывая руки, и странно косилась в нашу с чашкой сторону. Просто молоко-то наливала я…

Неприятненько вышло, однако…

– Забери ее, Гектор! Вези к доктору Шилзу! – наконец выдала здравую мысль фрау Хильда. Дрожащими руками она сунула свою кошку дворецкому и кулем осела на стул, за-

крыв лицо рукой. Сотрясаясь от рыданий, бабушка качала головой и бормотала: – Мими, бедняжка моя… Я следующая. Это очевидно…

– У вас есть успокоительное? – спросила я у горничной. – Срочно дайте аптечку.

– Конечно! Сейчас!

Девушка опрометью бросилась следом за только что сбежавшим Гектором, а я осторожно коснулась плеча фрау Хильды:

– Прекратите убиваться. Кошки, увы, смертны…

Та зарыдала еще громче. К сожалению, я никогда не умела успокаивать. Беспомощно осмотревшись, уже собралась вызывать неотложку, когда замерла на месте, не в силах пошевелиться и произнести хоть слово.

На пороге возникли Клаусы. Не один. Двое.

– Что случилось? – спросил татуированный и лохматый немец.

– Мы приехали, как только смогли, – выпалил второй, поправляя на носу очки.

Медленно сделав шаг назад, я нащупала стул и села, едва не промахнувшись.

– Вы зде-е-есь, – прорыдала фрау, открывая лицо. – Моя Мими…

– Она что, пьющая? – Татуированный Клаус повернулся к тому, что был в классическом костюме. – Очень странно себя ведет.

– Заткнись, Дитрих, – ответил идеально причесанный очкарик. – Хелена, расскажите, что здесь произошло.

Я открыла было рот, но вместо слов оттуда вылетели странные, поразившие даже меня смешки. Такие истеричные, что ли… Указав на Клаусов пальцем, я уставилась на бабушку и спросила, едва сдерживая рвущийся наружу совершенно нездоровый хохот:

– Вы тоже их видите?

«А я сошла с ума», – голосом Фрекен Бок пропело подсознание.

– Это все ты! – низким голосом проговорил чопорный Клаус, злобно уставившись на растрепанного. – Видишь, что происходит, когда ты вмешиваешься в мои дела?!

– В твои дела? – ухмыльнулся татуированный. – С некоторых пор Хелена – это мое дело. Так ведь, лапушка?

И они оба уставились на меня с ожиданием.

В этот момент очень вовремя появилась горничная с успокоительным.

Отпаивали уже меня.

Глава 5

Спустя некоторое время

Сидим.

В гостиной царит такая тишина, что слышно тиканье часов, словно таймер, отсчитывающий последние минуты. И еще непонятно как оказавшаяся в роскошных апартаментах муха летает со звуками бомбардировщика где-то в районе хрустальной люстры.

Б-з-з…

Клаус «номер раз» ровно сидит на диване и неслышно размешивает сахар в чашке. Да-да, строго по часовой стрелке и не касаясь металлом фарфора.

Клаус «номер два» лениво развалился в кресле подальше от первого и лыбился так довольно, что хотелось отобрать чай у первого немца и вылить на голову второму. Желание увеличилось вдвое после того, как клон мне подмигнул и вновь расплылся в профессионально-соблазнительной ухмылке.

Было стойкое ощущение водевиля и того, что я сошла с ума.

А что? Тогда все сходится!

Я просто мирно лежу в «дурке», и Германия с ее неадек-

ватными жителями мне мерещится.

В этот момент, нарушая идеальную тишину с таймером и мухой-бомбардировщиком, раздалось деликатное покашливание от немца в очочках.

– Итак, Хелена, как вы уже поняли, положение у нас сложное и неоднозначное. – Он отставил чашечку и воззрился на меня со всей возможной серьезностью, не иначе как для того, чтобы я тоже прониклась важностью момента.

Я только нервно хихикнула, сжала руками виски и резко вскочила с диванчика.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.